

Хрупкие вещи. Истории и чудеса (сборник)

Автор:

Нил Гейман

Хрупкие вещи. Истории и чудеса (сборник)

Нил Гейман

Мастера магического реализма (АСТ)

Позвольте мне рассказать вам историю... Нет, стойте, одной будет недостаточно.

Еще одна попытка?

Позвольте мне рассказать вам истории о месяцах года, о призраках и разбитом сердце, о страхе и желании. Позвольте мне рассказать вам о выпивке в неуточное время и о неотвеченных телефонных звонках, о добрых делах и паршивых днях, о разрушении и восстановлении, о прогулках мертвецов и потерянных отцах, о маленьких французских леди в Майами, о доверии волков и о том, как разговаривать с девочками.

Есть истории внутри историй, нашептываемые в тишине ночи или выкрикиваемые в шуме дня, разыгрываемые между любовниками и врагами, незнакомцами и друзьями. Но все, все они – хрупкие вещи, скроенные всего из 26 букв, переставляемых вновь и вновь, чтобы родились сказки и грезы. И если вы позволите им, они ослепят ваши чувства, растревожат ваше воображение и раскроют перед вами сокровенные глубины вашей души.

Нил Гейман

Хрупкие вещи. Истории и чудеса

Copyright © 2006 Neil Gaiman

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Посвящается Рэю Брэдбери и Харлану Эллисону, а также покойному Роберту Шекли, мастерам пера

Предисловие

Introduction. с Перевод Т. Покидаевой, 2007.

«Мне кажется... я скорее вспомню жизнь, растраченную неразумно на хрупкие вещи, чем потраченную с умом на уклонение от морального долга». Эти слова мне приснились, и я записал их, когда проснулся, не понимая, что они означают и к кому обращены.

Лет восемь назад задумав эту книгу сказок и вымыслов, я собирался назвать ее «Небось эти люди знают, кто мы, – они поймут, что мы были здесь», по реплике из комикса «Приключения малыша Немо в Стране Снов» (прекрасная репродукция этой страницы приведена в книге Арта Шпигельмана «В тени уничтоженных башен»)[1 - «Приключения малыша Немо в Стране Снов» – еженедельные комиксы Уинзора Маккея, публиковавшиеся в «Нью-Йорк Геральд» (1905–1911) и в «Нью-Йорк Джорнал Америкэн» (1911–1914); действие в них происходило в снах главного героя Немо (лат. Никто). В комиксе американского художника Арта Шпигельмана (р. 1948) «В тени уничтоженных башен» («In the Shadow of No Towers», 2004) речь идет о террористических атаках 11 сентября 2001 г.]; предполагалось, что повествование в каждом рассказе будет вестись от лица лживого и ненадежного героя, и все они

объяснят свою жизнь, расскажут, кто они и как однажды тоже были здесь. Дюжина рассказчиков, дюжина рассказов. Таков был замысел; но жизнь переписала все по-своему: я приступил к рассказам, теперь собранным в этой книге, и они стали обретать ту форму, что им была потребна: если некоторые излагались от первого лица и были фрагментами чьих-то жизней, другие ничего такого не пожелали. Один никак не складывался, пока я не предоставил его излагать месяцам, а другой эдак полегоньку умело играл с идентичностями, и было ясно, что писать его нужно от третьего лица.

Собирая материалы для этой книги, я гадал, как же ее назвать, – первоначальное название уже не подходило. Тогда-то ко мне и попал компакт «Умники, как мы» группы «Уан Ринг Зироу»[2 - «Уан Ринг Зироу» («One Ring Zero», с 1998 г.) – нью-йоркская мультижанровая группа. Тексты для альбома «Умники, как мы» («As Smart As We Are», 2004) группе предоставили известные писатели, среди которых Маргарет Этвуд, Пол Остер, Майкл Чабон, Дэйв Эггерс, Майла Голдберг, Джонатан Летем, Рик Муди и др., в том числе и Нил Гейман.], и на этом диске я услышал те самые строки, что извлек из сна; и я призадумался – что же это я понимал под «хрупкими вещами»?

Мне показалось, это хорошее название для сборника рассказов. В конце концов, в мире столько хрупких вещей. Люди ломаются так легко – и так легко умирают мечты и разбиваются сердца.

Этюд в изумрудных тонах

Этот рассказ был написан для антологии «Тени над Бейкер-стрит», которую выпустил мой друг Майкл Ривз вместе с Джоном Пиленом. Майкл высказался так: «Мне нужен рассказ, в котором Шерлок Холмс соприкасается с миром Говарда Лавкрафта». Я согласился написать рассказ, хотя сомневался в перспективности такого соприкосновения: мир Шерлока Холмса предельно рационален, торжество объясненности, в то время как фикции Лавкрафта глубоко, предельно иррациональны, а тайны необходимы, чтобы человек не сошел с ума. И если поведать историю, сочетающую элементы обоих миров, следует придумать интересную комбинацию, равно выигрышную и для Лавкрафта, и для творений сэра Артура Конан Дойла.

В детстве мне нравились книги Филипа Хосе Фармера из серии «Уолд-Ньютон», где персонажи разных литературных произведений существуют в едином мире,

и я с удовольствием наблюдал, как мои друзья Ким Ньюмен и Алан Мур создают собственные миры, порожденные фермеровским «Уолд-Ньютоном», – в «Годе Дракулы» и «Лиге выдающихся джентльменов» соответственно.

Моя же история сложилась гораздо лучше, чем я смел надеяться, когда комбинировал ингредиенты. (Писать книги – это как еду готовить. Бывает, пирог не поднимается, как ни старайся, а порой выходит просто волшебным – ты о таком и не мечтал.)

В августе 2004 года «Этюд в изумрудных тонах» получил премию «Хьюго» за лучший рассказ – я этим горжусь до сих пор. И отчасти благодаря ему спустя еще год меня таинственным образом приняли в почетные члены общества «Нерегулярные полицейские части с Бейкер-стрит»[3 – «Нерегулярные полицейские части с Бейкер-стрит» («Baker Street Irregulars») – американская организация поклонников Шерлока Холмса, основанная в 1934 г. Кристофером Морли. Членство в «Нерегулярных частях» – почать, которую организация оказывает тем, кто зарекомендовал себя авторитетным холмсоведом, и членами ее в то или иное время были, помимо прочих, Фрэнклин Делано Рузвельт, Гарри С. Трумен, Рекс Стаут, Айзек Азимов и др.].

Эльфийский рил

Так себе стихотворение, по правде говоря, но читать вслух – неопиcуемый кайф.

Октябрь в председательском кресле

Написан для Питера Страуба, для замечательной антологии «Перекрестки», в которой он выступил приглашенным редактором. Все началось несколькими годами раньше, на конференции в Мэдисоне, штат Висконсин, когда Харлан Эллисон предложил мне написать рассказ с ним на пару. Нас посадили за веревочное заграждение: Харлана с пишущей машинкой и меня с ноутбуком. Но вначале Харлану надо было дописать предисловие, и пока он дописывал, я придумал начало рассказа и показал Эллисону. «Не-а, – сказал он. – Не пойдет. Слишком по-Нил-Геймановски». (Так что я начал другой рассказ – мы так с тех пор над ним и работаем. И вот ведь нелепость: всякий раз, когда мы встречаемся и пишем, рассказ становится все короче.) В общем, фрагменты моего рассказа так и валялись на жестком диске. Спустя пару лет Страуб

пригласил меня в «Перекрестки». Я хотел написать историю про двух мальчиков, живого и мертвого, – разминка перед детской книжкой (называется «Книга кладбищ», я как раз сейчас ее пишу). Некоторое время соображал, как вырисовывается эта история, а когда закончил, посвятил ее Рэю Брэдбери, который написал бы ее гораздо лучше, чем я.

В 2003 году она получила премию «Локус» в номинации «Лучший рассказ».

Тайная комната

Все началось с просьбы двух Нэнси, Килпатрик и Холдер, написать что-нибудь «готическое» для их антологии «Чужие». Мне всегда казалось, что история Синей Бороды и ее вариации – из всех историй самая готическая, и я написал стихотворение, действие которого происходит в почти пустом доме, где я в то время жил. «Распокаивать» – это, как выражался Шалтай-Болтай, «слово как бумажник» и обитает на нейтральной полосе между «расстраивать» и «успокаивать».

Запретные невесты безликих рабов в потайном доме ночи пугающей страсти

Эту историю я начал записывать карандашом в один ветреный зимний вечер в зале ожидания на вокзале Ист-Кройдон, между пятой и шестой платформами. Мне тогда было двадцать два года, почти двадцать три. Когда закончил, перепечатал рассказ на машинке и показал паре знакомых редакторов. Один фыркнул и сказал, что это не его формат и, если честно, вряд ли хоть чей-нибудь, а второй прочел рассказ, был доброжелателен и вернул, пояснив, что эту вещь никогда не напечатают, поскольку это комическая бредятинa. Я отложил рассказ подальше, очень довольный, что не придется публично краснеть, когда люди его прочтут и невзлюбят.

Рассказ так и валялся нечитанным, двадцать лет кочевал из папки в маленькую коробку, а затем в коробку побольше, из кабинета в подвал, а потом на чердак, и вспоминал я о нем только с облегчением: хорошо, что не напечатали. И вот однажды у меня попросили рассказ для антологии «Готика!», я вспомнил про рукопись на чердаке и пошел ее искать – хотел глянуть, можно ли хоть что-то из нее спасти.

Я начал читать «Запретных невест» и улыбался, пока читал. Вообще-то, решил я, забавный рассказ: смешной и остроумный; хорошая историйка – слегка топорная, как оно случается с работой подмастерьев, но исправить легко. Я включил компьютер и набросал новую версию – спустя двадцать лет после первой, – сократил название до нынешнего и отправил редактору. По крайней мере один рецензент счел рассказ комической бредятиной, но оказался в меньшинстве, потому что рассказ перепечатали в нескольких антологиях из серии «Лучшее за год» и номинировали на премию «Локус» как лучший рассказ 2005 года.

Уж не знаю, чему учит эта история. Иной раз показываешь рассказы не тем людям, всем мил не будешь, а всякому не будешь мил целиком. Иногда я задумываюсь, что еще найдется в коробках на чердаке.

Симпатичные ребята в фаворе

Песчинки воспоминаний

На создание первого меня вдохновила статуя Лайзы Снеллингз-Кларк: мужчина с контрабасом держит инструмент так же, как я в детстве, а второй рассказ был написан для антологии «подлинных» историй с привидениями. У многих авторов истории получились гораздо лучше, но у моей было неутешительное преимущество: она чистая правда. Впервые эти рассказы увидели свет в сборнике «Приключения в лавке снов», выпущенном «НЕСФА Пресс» в 2002 году, – там еще была куча вставок, обрывков и всякого такого.

После закрытия

Майкл Чабон составлял антологию «жанрового» рассказа – хотел показать, как замечательны рассказы сами по себе, и собрать средства для программы «Валенсия, 826» в помощь детям, которые пишут стихи и прозу. (Книга вышла под названием «Сокровищница занимательного рассказа Максуйни».) Он позвал меня участвовать, а я спросил, остались ли неохваченные жанры. Остались: Майклу нужна была история с привидениями в манере М. Р. Джеймса.

Итак, я сел за настоящую историю с привидениями, но в рассказе больше от моего увлечения «странными историями» Роберта Эйкмана, нежели от Джеймса (и притом, когда я дописал, выяснилось, что это клубная история: Майкл получил два жанра по цене одного). Потом рассказ перепечатали в нескольких антологиях «Лучшее за год» и присудили ему премию «Локус» в номинации «Лучший рассказ» 2004 года.

Все клубы в рассказе – взаправдашние, хотя я заменил пару названий: клуб «Диоген», например, – это «Троя» на Хенуэй-стрит. Кое-какие персонажи и события тоже подлинные – вы и не представляете, насколько. То же самое касается событий. Пишу сейчас и думаю: жив ли еще этот игровой домик или его давно снесли и понастроили домов там, где он затаился, – но, признаться, мне что-то не хочется проверять.

Влиться в леса

«Лесовик», он же «леший» – это дух леса. Эта вещь была сделана для антологии «Зеленый человек[4 - В русском издании – «Зеленый рыцарь» (примеч. ред.)]» под редакцией Терри Уиндлинг и Эллен Датлоу.

Горькие зерна

В 2002 году я написал четыре рассказа, и этот, по-моему, лучший, хоть и не получил наград. Я сделал его для антологии моей приятельницы Нало Хопкинсон «Амулет: истории о заклинаниях».

Другие люди

Не помню, когда и где мне пришла в голову эта Мёбиусова история. Помню, я набросал основную идею и первую строчку, а потом усомнился, вправду ли идея моя, – может, я смутно припомнил читанное в детстве, что-то из Фредрика Брауна или Генри Каттнера? Она была как будто чужая, подозрительно элегантная, острая ивершенная.

А примерно через год, скучая в самолете, я наткнулся на свои давние записи и, дочитав журнал, взял и написал рассказ – закончил еще до того, как самолет

пошел на посадку. Затем обзвонил знающих друзей, прочел рассказ им и спросил, не читал ли кто чего-нибудь похожего. Нет, ответили все. Обычно я пишу рассказы, когда меня об этом просят, а тут впервые в жизни у меня получился рассказ, о котором никто не просил. Я отправил его Гордону ван Гельдеру в «Журнал фэнтези и научной фантастики», и Гордон его напечатал, изменив название, – впрочем, я не возражал. (Я бы назвал рассказ «Жизнь после смерти».)

Я вообще много пишу в самолетах. В самом начале работы над «Американскими богами» я написал рассказ в самолете по дороге в Нью-Йорк – я был уверен, что вправлю его куда-нибудь в роман, но в итоге места ему так и не нашел. Когда книга вышла, а эта история в нее не попала, я сделал из нее рождественскую открытку, отправил кому-то и напрочь забыл. А спустя пару лет издательство «Хилл-Хаус Пресс», которое выпускает ограниченные тиражи моих книг в потрясающем оформлении, разослало ее своим подписчикам под видом собственной рождественской открытки.

Названия у рассказа не было. Назовем его

Картограф

Как лучше описать историю? Рассказать ее. Понимаешь? Себе или всем на свете описываешь историю, ее рассказывая. Приводишь в равновесие – грезя. Чем точнее карта, тем больше похожа на реальную местность. Значит, самая подробная карта и есть местность, предельно точная карта и предельно бесполезная.

История есть карта, которая есть местность.

Помни об этом.

Тому назад почти две тысячи лет правил в Китае один император, одержимый идеей составить подробную карту подвластной ему страны. По его повелению весь Китай воссоздали в миниатюре на островке, сооруженном ценою немалых расходов и, кстати, некоторых человеческих жизней (ибо глубока была вода и холодна) посреди озера в императорских владениях. Всякая гора обернулась на острове холмиком над кротовой норой, всякая река – крошечным ручейком.

Император обходил остров по кругу за половину часа.

Каждое утро в бледном предрассветном зареве сотня мужчин добиралась до острова вплавь и приводила его в порядок: чинили и восстанавливали все детали ландшафта, попорченные погодой, или дикими птицами, или озерными водами; а еще они разбирали и перестраивали участки, искореженные подлинностью наводнений, землетрясений и обвалов, – дабы карта отражала мир таким, какой он есть.

Император был очень доволен почти год, а потом начал он замечать, что сдает его недовольство и остров больше не мил его сердцу, и еженощно, перед тем как заснуть, раздумывал он над созданием новой карты, в сотую долю своей империи. Каждая хижина, каждый дом, каждый дворец, каждое дерево, каждый холм, каждый зверь явлен будет на ней копией в сотую долю истинных размеров.

То был грандиозный план, и для его осуществления пришлось бы опустошить всю имперскую казну. А сколько понадобится людей – поистине уму непостижимо: люди, что чертят карты, и люди, что служат моделями, землемеры, топографы, художники; да к тому же ваятели, гончары, строители и прочие ремесленники. Шесть сотен профессиональных сновидцев должны прозреть природу вещей, скрытых под корнями деревьев, и в глубочайших горных пещерах, и на дне морей, ибо на безупречной карте должны быть представлены обе империи, видимая и невидимая.

Таков был императорский план.

Министр правой руки осмелился возразить своему императору, когда они прогуливались в ночных дворцовых садах под исполинской золотой луной.

– Вы должны понимать, ваше императорское величество, – сказал министр правой руки, – что ваш замысел...

И запнулся, ибо ему не хватило отваги продолжить. Бледный карп спиной прорвал поверхность воды, и лунное отражение рассыпалось на сотню танцующих осколков, и каждый был сам себе крошечной луной, а потом эти луны слились в цельный круг отраженного света, золотой круг в воде цвета ночного неба, такого густо-лилового, что ни за что не перепутаешь с черным.

– Невозможно осуществить? – мягко подсказал император. Более всего опасны императоры и короли, когда выказывают мягкость.

– Для императора нет ничего невозможного, и каждое его желание – закон, – сказал министр правой руки. – Однако это будет стоить недешево. Вам придется опустошить императорскую казну. Снести города и селения, дабы освободить землю под вашу карту. И что останется вашим потомкам? Государство, которым они не сумеют править, ибо нищий правитель – уже не правитель. Я ваш советник и пренебрег бы своими обязанностями, если бы не попытался вас отговорить.

– Может быть, ты прав, – сказал император. – Может быть. Но если я соглашусь с тобой и забуду о карте, если замысел мой так и не воплотится, он станет томить мою душу, и захватит мой разум, и пища на языке будет горчить, и вино во рту отдавать кислятиной.

Император умолк. Вдалеке пел соловей.

– Однако эта карта, – продолжал император, – все равно лишь начало. Ибо она еще не будет построена, когда все помыслы мои устремятся к моему шедевру.

– И что это будет? – робко спросил министр правой руки.

– Карта, – сказал император. – Карта империи, на которой каждое здание будет явлено в натуральную величину, каждая гора – такой же горою, каждое дерево – деревом того же вида и высоты, каждая река – рекою, каждый человек – человеком.

Министр правой руки низко поклонился в лунном свете и, погруженный в раздумья, пошел следом за императором, сохраняя почтительную дистанцию в три шага.

Император умер во сне, говорится в летописях, и это, в общем-то, правда, хотя можно отметить, что смерть его не была совершенно ненасильственной, а старший императорский сын, правивший после отца, не питал интереса ни к картам, ни к картографии.

Остров на озере превратился в рай для диких птиц, как водоплавающих, так и просто летучих, и некому было их разгонять. Птицы распотрошили миниатюрные горы из мягкой глины, растащили себе на гнезда, и озерные воды размыли берег, и со временем остров исчез, и осталось лишь озеро.

Карты не стало, не стало картографа, но земля продолжала жить.

Сувениры и сокровища

Этот рассказ с подзаголовком «История одной любви» родился комиксом для нуар-антологии «В Лондоне темно», составленной Оскаром Зарате и проиллюстрированной Уорреном Плисом. Уоррен нарисовал замечательно, но история мне не нравилась, и я все раздумывал, отчего человек, называющий себя Смитом, стал таким, каким стал? Эл Саррантонио попросил у меня рассказ для сборника «999», и я решил, что любопытно будет вернуться к истории Смита и мистера Элиса. Кстати, в этом сборнике они появятся снова.

Мне кажется, грядет еще много историй о неприятном мистере Смите, особенно рассказ о том, как расходятся пути мистера Смита и мистера Элиса.

Факты по делу об исчезновении мисс Финч

Однажды мне показали картину Фрэнка Фразетты с дикаркой и двумя тиграми[5 - Фрэнк Фразетта (1928-2010) - американский научно-фантастический и фэнтезийный художник; рисовал, помимо прочего, комиксы, киноплакаты, оформлял книги и т. д. Вероятно, имеется в виду его картина «Охотница» («The Huntress»), использованная в оформлении обложки сборника рассказов Эдгара Райса Берроуза «Дикий Пеллусидар» («Savage Pellucidar», 1962), хотя у Фразетты есть несколько картин с похожими сюжетами.] и попросили придумать к ней историю. Я ничего не придумал и вместо этого рассказал о том, что случилось с мисс Финч.

Странные девочки

...это, собственно, двенадцать очень коротких рассказиков, которые прилагались к альбому Тори Эмос «Странные девочки»[6 - Тори Эмос (Майра

Эллен Эмос, р. 1963) – англо-американская пианистка, исполнительница и автор песен; одна из немногих в рок-среде, кто основным своим инструментом избрал рояль. Ее альбом «Странные девочки» («Strange Girls»), на котором она записала кавер-версии чужих песен, от Нила Янга, Майкла Джексона и Джона Леннона с Полом Маккартни до Тома Уэйтса, вышел в 2001 г. Упомянутые гастроли длились с августа по декабрь 2001 г.]. Вдохновившись картинами Синди Шерман, Тори для каждой песни создала образ, а я написал про них истории. Мои «Странные девочки» не вошли ни в один сборник, но их напечатали полностью в книге к гастрольной поездке Тори, а строчки из них разбросаны по буклету диска.

Арлекинка

Лайза Снеллингз-Кларк – художник и скульптор, чьими работами я много лет восхищаюсь. На основе ее чертова колеса[7 - Имеется в виду скульптура Лайзы Снеллингз-Кларк «Людно после закрытия» («Crowded After Hours») из ее серии «Черная ярмарка» («Dark Carnival»).] сделали книжку «Странный аттракцион»: несколько замечательных авторов рассказали истории пассажиров каждой кабинки. Меня попросили написать историю кассира, продающего билеты на чертово колесо, – ухмыляющегося Арлекина.

И я написал.

Как правило, рассказы не пишутся сами, но про этот я помню только, как сочинил первую фразу. Дальше мне как будто диктовали, а я записывал историю о том, как Арлекин ликующе пляшет и спотыкается, проживая свой День влюбленных.

Арлекин – персонаж итальянской комедии дель-арте, веселый пройдоха, плут и ловкач, невидимый шутник в маске, с волшебным жезлом в руке и в костюме, расшитом ромбами. Он любит Коломбину, преследует ее в каждом представлении, сталкиваясь с шаблонными персонажами типа доктора или клоуна и преображая всякого встречного.

Замки?

«Златовласка и три медведя» – сказка английского поэта Роберта Саути. Точнее, не так: в его версии была старуха и три медведя. Сюжет тот же, действие то же,

но читатели знали, что героиней должна быть маленькая девочка, и вставляли ее, пересказывая эту историю.

Конечно, сказки – штука заразная. Можно их подхватить, можно инфицироваться. Сказки – это единая валюта, наша и тех, кто жил в этом мире задолго до нас. (Рассказывая своим детям сказку, которую мне рассказывали родители, а им – их родители, я становлюсь сопричастен удивительному и странному, вливаюсь в бесконечный поток жизни самой.) Моей дочери Мэдди было два года, когда я написал для нее эту вещь, а сейчас ей одиннадцать, и мы по-прежнему делим истории на двоих, только теперь это уже телефильмы и кинокартины. Мы читаем одни и те же книги, разговариваем о них, только я уже ей не читаю – а ведь и это было жалкое подобие рассказывания сказок, которые я придумывал сам.

Я считаю, мы должны друг другу рассказывать сказки. Вот мой символ веры – и вряд ли когда-нибудь появится более внятный.

Проблема Сьюзен

В гостинице мне вызвали врача, и тот сказал, что это типичный грипп – потому у меня и болит шея, и постоянно тошнит, и в голове мутится, – и стал перечислять лекарства, анальгетики и мышечные релаксанты, которые мне следует принимать. Я выбрал болеутоляющее из списка, вернулся в номер, упал на кровать и умер: я не мог шевелиться, не мог думать, не мог оторвать голову от подушки. На третий день позвонил мой личный врач, которого поставила на уши моя помощница Лоррейн. «Не люблю ставить диагнозы по телефону, но, похоже, у вас менингит», – сказал он. И оказался прав.

Туман в голове рассеялся только спустя несколько месяцев, и «Проблема Сьюзен» – первое, что я написал после болезни. Я как будто снова учился ходить. Рассказ предназначался для антологии фэнтези «Полеты», которую составлял Эл Саррантонио.

В детстве я перечитывал «Хроники Нарнии» сотни раз, а потом, повзрослев, дважды читал вслух своим детям. Я в «Хрониках» многое люблю, но меня каждый раз очень смущает и ужасно раздражает устранение Сьюзен. Видимо, мне хотелось придумать историю, которая смущала бы и раздражала не меньше, хоть и иным образом, – и поговорить об удивительной силе детской литературы.

Инструкции

Я включил несколько стихотворений в «Дым и зеркала», но этот сборник хотел сделать полностью прозаическим. А потом передумал и включил сюда стихи – в основном потому, что «Инструкции» мне нравятся ужасно. Если вы из тех, кто поэзию не любит, утешайтесь мыслью, что стихи, как и это предисловие – бесплатное приложение. Без стихов книга стоила бы ровно столько же, и мне за них никто не платил. Иной раз приятно прочесть что-нибудь короткое и отложить книжку, иной раз бывает небезынтересно узнать, откуда взялся рассказ, – но читать все это вы не обязаны. (И если я неделями жизнерадостно терзался, размышляя, как составить и выстроить этот сборник, читателю не возбраняется – даже рекомендуется – читать рассказы в любом предпочтительном порядке.)

Это буквально список инструкций – что делать, когда попадаешь в волшебную сказку.

Как ты думаешь, что я чувствую?

У меня попросили рассказ для тематической антологии о горгульях, срок сдачи приближался, а в голове не было ни единой конструктивной мысли.

Горгулий, соображал я, помещали на здания церквей и соборов, чтобы они защищали святые места. А что, если посадить такого стража еще куда-нибудь? К примеру, на сердце...

Я сейчас перечитал этот рассказ впервые за восемь лет и несколько удивлен обилием секса – но, может, мне просто рассказ не нравится.

Жизнь моя

Этот маленький монолог – сопроводительный текст для фотографии обезьянки, сшитой из носков, в альбоме фотохудожника Арне Свенсона, в котором были собраны двести с лишним фотографий таких обезьянок и который – что неудивительно – назывался «Носочные обезьянки». У обезьянки, которая

досталась мне, был такой вид, будто она прожила непростую, но интересную жизнь.

Как раз тогда одна моя давняя подруга устроилась в «Уикли Уорлд Ньюс»[8 - «Уикли Уорлд Ньюс» («The Weekly World News», с 1979 г.) – американский таблоид, специализирующийся на сенсациях («Элвис Пресли жив!», «Очевидец сообщает о встрече с Лох-Несским чудовищем» и т. д.) и всевозможных неправдоподобных и нелепых историях; многие годы газета формально заявляла, что сообщает чистую правду, однако с 2004 г. стала более прозрачно намекать читателям, что доля недоверия к ее информации увеличивает удовольствие от чтения.], и я с большим удовольствием сочинял для нее истории. И я думал: а вдруг кто-то где-то живет такой жизнью, какая творится в «Уикли Уорлд Ньюс»? В «Носочных обезьянках» текст напечатали прозой, но мне больше нравится, когда он разбит на строки. Я нисколечко не сомневаюсь, что, если б достало алкоголя и терпения у благосклонного слушателя, эта история длилась бы до скончания века. (Время от времени люди пишут мне на сайт и спрашивают, не буду ли я против, если они этот текст – или еще какой-нибудь – прочтут на актерском прослушивании. Я не против.)

Пятнадцать раскрашенных карт из колоды вампира

Мне осталось придумать еще семь историй на семь Старших арканов – я обещал художнику Рику Берри, что когда-нибудь их напишу, и тогда он сможет их нарисовать.

Кто-то кормит, кто-то ест

Эта история – кошмар, который я увидел во сне лет в двадцать с чем-то.

Я люблю сны. Я знаю, что логика сна отличается от логики повествования и редко получается сделать из сновидения историю: при пробуждении сон превращается из золота в жухлые листья, из шелка – в драную паутину.

И все же есть вещи, которые можно унести из сновидения: настроение, фрагменты, людей или тему. На моей памяти это единственный раз, когда я принес оттуда целую историю.

Изначально это был комикс, проиллюстрированный многогранным художником Марком Бакингом, а затем я попробовал сделать из нее набросок сценария для порнофильма ужасов, который так и не снял (он назывался «Съеденные: сцены из фильма»). Пару лет назад редактор Стив Джоунз спросил, не хочу ли я возродить какую-нибудь несправедливо забытую историю для его антологии «Сдерживай натиск ночи», и я вспомнил про этот рассказ, засучил рукава и засел за компьютер.

Чернильные грибы – это правда вкусно, но вскоре после того, как их срезали, они расплываются в противную вязкую черную жидкость – потому их и не продают в магазинах.

Недуготворческий криз

Меня попросили написать статью для энциклопедии вымышленных болезней («Малой энциклопедии необычных и сомнительных заболеваний Тэкер Т. Лэмсхеда», составленной Джеффом Вандермеером и Марком Робертсом). Мне показалось, было бы интересно описать вымышленную болезнь, симптом которой – придумывание вымышленных болезней. Этот рассказ я написал с помощью давно позабытой компьютерной программы «Болтовня» и пыльной книги советов домашнего доктора.

В конце

Я попытался вообразить последнюю книгу Библии.

Что касается наименования тварей земных, скажу одно: я был счастлив, узнав, что слово «йети» в буквальном переводе означает «что там за тварь». («Скажи мне, отважный и ловкий житель Гималаев, а что там за тварь?» – «Йети». – «Понятно».)

Голиаф

«Тут хотят, чтобы ты написал рассказ, – сказал мой агент несколько лет назад. – Для веб-сайта одного фильма, который еще не вышел. Называется “Матрица”. Сценарий тебе перешлют». Я с интересом прочел сценарий и написал рассказ,

который вывесили на сайте за неделю до премьеры. Там он до сих пор и висит.

Страницы из дневника, найденного в обувной коробке, забытой в «Грейхаунде» где-то между Талсой, штат Оклахома, и Луисвиллом, штат Кентукки

Этот рассказ я написал моей давней подруге Тори Эмос для книги к ее гастрольному туру с альбомом «Прогулки со Скарлет»[9 - Альбом Тори Эмос «Прогулки со Скарлет» («Scarlet's Walk») вышел в 2002 г., а упомянутый тур начался в Талсе, штат Оклахома, в ноябре 2002 г. и завершился в Уэст-Палм-Бич, штат Флорида, в декабре 2003 г.], и очень радовался, когда его отобрали для антологии «Лучшее за год». Рассказ вдохновлен альбомом крайне приблизительно. Я хотел написать о путешествиях, самоидентификации и Америке, маленькое дополнение к «Американским богам», где всё, в том числе развязка, маячит поблизости, но недостижимо.

Как общаться с девушками на вечеринках

Написание рассказа меня завораживает не меньше, чем результат. Например, эта история началась с двух разных (и неудачных) попыток написать краткий отчет о туристической поездке на Землю для антологии «Звездный разлом», составленной австралийским редактором и критиком Джонатаном Стрэхеном. (Рассказ не вошел в его сборник. Сейчас публикуется впервые. Надеюсь, я напишу для Джонатана что-нибудь другое.) Первый замысел не удался: у меня была пара фрагментов, и они никак не складывались. Я был обречен и уже принялся слать Джонатану электронные письма: мол, рассказа не будет – во всяком случае, от меня. Он ответил, что как раз получил замечательный рассказ от писательницы, которой я восхищался, и она его сделала за двадцать четыре часа.

Уязвленный, я взял чистый блокнот и ручку, засел в беседке в глубине сада и написал этот рассказ за полдня. А спустя пару недель прочел его вслух на бенефисе в легендарном «КБГБ»[10 - «КБГБ» (CBGB, «Кантри, Блюграс и Блюз») – культовый музыкальный клуб на Бауэри-стрит, Манхэттен, основанный в 1973 г. Хилли Кристалом. Вопреки названию был ключевой площадкой американского панка, а среди выступавших в нем были «Рэмоунз», «Телевижн», «Группа Патти Смит», «Блонди», «Токинг Хедз» и др., и впоследствии пост-панк-группы, а также – на отдельной площадке – рок-, фолк-группы, а также джазовые и

экспериментальные. Клуб был закрыт в октябре 2006 г.]. Лучше места и времени для первого публичного чтения истории про панк и 1977 год и не придумаешь – я очень доволен.

День, когда приземлились летающие тарелки

Написано в нью-йоркской гостинице в ту неделю, когда я начитывал аудиоверсию моей «Звездной пыли», пока ждал машину, которая отвезет меня на студию. Писал редактору и поэту Рейн Грейвз для ее сайта www.spiderwords.com. Я очень радовался, когда прочел ее перед аудиторией и понял, что мне все удалось.

Жар-птица

Моя старшая дочка Холли сказала мне прямо, какой подарок ей хочется на восемнадцатилетие. «Я хочу такое, папа, чего мне больше никто не подарит. Напиши мне рассказ. – Она хорошо меня знает и поэтому добавила: – Я знаю, ты вечно опаздываешь, и не хочу тебя напрягать, так что если напишешь к моему следующему дню рождения, будет нормально».

В городе Талса, штат Оклахома, жил писатель (он умер в 2002 году), который некоторое время – в конце 1960-х и начале 1970-х годов – был лучшим в мире сочинителем рассказов. Звали его Р.А. Лафферти, и рассказы его были ни на что не похожи, странны и неподражаемы – по первой же строке ясно, что это его рассказ. В юности я написал ему письмо, и он мне ответил.

«Жар-птица» – это попытка написать рассказ Лафферти, и она меня кое-чему научила: в основном тому, что все не так просто, как кажется. Холли получила подарок только на девятнадцать с половиной лет, когда я застрял на середине «Детей Ананси» и понял, что если не закончу хоть что-нибудь – что угодно, – я, наверное, сойду с ума. С разрешения дочки рассказ опубликовали в сборнике с очень длинным названием, которое обычно сокращают до «Шумные отморозки, недружелюбные дебилы и еще кое-какие не столь пугающие штуки...», в рамках программы «Нью-Йорк, 826».

Даже если у вас уже есть вот эта моя книга, вы, возможно, захотите приобрести сборник с очень длинным названием, потому что в нем есть рассказ Клементы

Фрейда «Гримбл».

Сотворение Аладдина

Меня озадачивает («озадачивает» в данном случае выступает синонимом крайней степени раздражения) чтение умных академических книг и статей о фольклоре и народных сказках, в которых говорится, что эти сказки никто не писал и ошибочно даже пытаться искать автора: такое создается впечатление, будто сказки не сочиняют, а собирают, находят или в лучшем случае перерабатывают. И я думаю: «Да, но они же откуда-то взялись, родились же в чьей-то голове». Потому что истории рождаются в головах – они не артефакты и не природные явления.

В одной умной книге написано, что все волшебные сказки, в которых герой засыпает, родились из снов, пересказанных людьми с примитивным мышлением, неспособными различать сон и явь, из чего и получились наши сказки, – по моему, теория сплошь дырявая, потому что в историях, дошедших до наших дней и не раз пересказанных, логика повествования, а не логика сна.

Истории сочиняются людьми, которые их сочиняют. Если история хороша, ее пересказывают. В этом-то и волшебство.

Рассказчица Шехерезада – вымышленный персонаж, как и ее сестра, как и кровожадный царь Шахрияр, которого следовало умиротворять еженощно. «Тысяча и одна ночь» – тоже вымышленная конструкция, с миру по нитке, а история Аладдина – более позднее добавление, включенное в сборник французами всего несколько сот лет назад. Иными словами, она родилась совсем не так, как описываю я. И тем не менее. И все же.

Король горной долины

Эта история возникла и существует, потому что я люблю отдаленные края Шотландии, где местами выходят наружу кости Земли, где небо окрашено белесым, и такая поразительная красота, и ты словно сокрыт в невозможной дали. Приятно было вновь встретиться с Тенью через два года после событий, описанных в «Американских богах».

Роберт Силверберг попросил у меня новеллу для сборника «Легенды II». Ему было без разницы, про какой из миров – про «Нигде и никогда» или «Американских богов». Я начал с «Задверья», но там возникли некоторые технические сложности (рассказ называется «Как маркиз вернул свой сюртук», и когда-нибудь я его обязательно допишу[11 - Нил выполнил свое обещание. Этот рассказ был написан в 2104 году для антологии «Негодяи» (англ. “Rogues”), составленной Дж. Р.Р. Мартином и Г. Дозуа. В русском переводе он называется «Как маркиз свой кафтан назад получил» (примеч. ред.).]). Я начал писать «Короля горной долины» в Ноттинг-Хилле, где мы снимали короткометражку под названием «Короткометражка о Джоне Болтоне», и закончил одним затяжным зимним рывком в доме у озера, где сейчас пишу это предисловие. Легенды о хульдрах и как правильно писать по-норвежски я узнал от моей подруги Иселин Эвенсен. Как и «Неовульф» из «Дыма и зеркал», эта история навеяна «Беовульфом», и дописав ее, я уверился, что наш с Роджером Эвери сценарий «Беовульфа» не будет закончен никогда. Разумеется, я был не прав и впоследствии наслаждался, наблюдая пропасть между матерью Гренделя в исполнении Анджелины Джоли в фильме Роберта Земекиса и персонажем, который фигурирует у меня.

Мне хотелось бы поблагодарить всех редакторов и составителей антологий, где эти рассказы и стихотворения были опубликованы впервые. Отдельное спасибо Дженнифер Брел и Джейн Морпет, моим редакторам в США и Великобритании, за поддержку и помощь и, самое главное – за терпение, а также моему литературному агенту, отважной Меррили Хейфец, и ее подручным по всему миру.

Я вот сейчас подумал, что многие вещи, которые мы полагаем хрупкими, в действительности на удивление крепки. В детстве мы проделывали разные фокусы с сырыми птичьими яйцами – доказывали, что на самом деле они хранят свое бремя, точно крошечные мраморные дворцы; и говорят, что взмах бабочкиных крыльев в нужном месте способен вызвать ураган за океаном. Сердце можно разбить, но сердце – самая крепкая мышца, оно качает кровь всю жизнь, семьдесят сокращений в минуту, практически без перебоев. Даже сны, самые тонкие и неосязаемые субстанции, порой на редкость трудно уничтожить.

Истории – тоже хрупкие вещи, как люди и бабочки, как птичьи яйца, сердца и сны, они складываются из трех десятков щедушных букв и горстки знаков препинания. Или сплетаются из слов – из звуков и идей, абстрактных, незримых, что исчезают, едва прозвучав, – что может быть хрупче? Но есть истории –

короткие незамысловатые рассказы о том, как кто-то отправился на поиски приключений или творил чудеса, о волшебстве и чудовищах, – которые пережили всех рассказчиков, а некоторые пережили и земли, где родились.

И хоть я не верю, что рассказы из этой книги на такое способны, все равно приятно их собрать, найти им дом, где их прочтут и запомнят. Надеюсь, они вам понравятся.

Нил Гейман

Первый день весны 2006 года

Этюд в изумрудных тонах

A Study in Emerald. © Перевод Н. Гордеевой, 2007.

1. Новый друг

Только что из большого европейского тура, где дали несколько представлений перед КРОНОВАНЫМИ ОСОБАМИ, великолепной игрой срывая овации и похвалы, равно блистательные в КОМЕДИЯХ и в ТРАГЕДИЯХ, «лицедеи со стрэнда» доводят до вашего сведения, что в апреле они выступают в королевском театре друри-лейн с УНИКАЛЬНОЙ ПРОГРАММОЙ и представят три одноактные пьесы: «Мой близнец – братец том!», «Маленькая продавщица фиалок» и «И приходят великие древние» (каковая представляет собою историческую эпопею неземного великолепия). Приобретайте билеты в кассах театра.

Полагаю, все дело в необъятности. В громадности того, что внизу. В сумраке грез.

Но я витаю в облаках. Простите. Я ведь не писатель.

Я искал жилье. Так мы и познакомились. Я хотел снять комнаты с кем-нибудь вскладчину. Нас представил друг другу наш общий знакомый в химической лаборатории Сент-Барта.

– Я вижу, вы были в Афганистане, – сказал он, а я в изумлении открыл рот и уставился на него.

– Потрясающе, – проговорил я.

– Отнюдь, – ответил незнакомец в белом халате – человек, который станет мне другом. – По тому, как вы держите руку, я понял, что вы были ранены, причем особым образом. Вы сильно загорели. К тому же у вас военная выправка, а в Империи осталось не так много мест, где военный может загореть и, если иметь в виду специфику ранения в плечо, а также традиции афганских дикарей, подвергнуться пыткам.

Конечно, в таком изложении все просто до абсурда. Но оно всегда было просто. Я загорел до черноты. И действительно, как он и сказал, меня пытали.

Боги и люди Афганистана были дикарями, не желали подчиниться Уайтхоллу, или Берлину, или даже Москве и не готовы были внимать гласу разума. Меня послали в эти холмы вместе с Н-ским полком. Пока бои шли в холмах и в горах, наши силы были равны. Но едва стычки переместились в пещеры, во тьму, мы оказались в тупике и завязли.

Никогда не забуду зеркало подземного озера и то, что поднялось из его глубин: мигающие глаза этой твари, переливчатые шепотки, что всплывали вместе с ним, вились вокруг него, подобно жужжанию пчел, огромных, как целые миры.

То, что я выжил, – поистине чудо, однако я выжил и вернулся в Англию, и нервы мои были разодраны в клочья. Место, где меня коснулся пиявочный рот, навсегда было отмечено татуировкой, лягушачье-белесой на усохшем плече. Когда-то я был сорвиголовой. Ныне у меня не осталось ничего, кроме страха перед миром, который под этим миром, страха, близкого к панике, каковой побуждал меня скорее потратить шесть пенсов из армейской пенсии на хэнсом-

кэб, нежели пенни – на поездку в подземке.

Однако туманы и сумерки Лондона успокоили меня, приняли обратно. Я потерял предыдущее жилье, потому что кричал по ночам. Когда-то я был в Афганистане; теперь меня там не было.

– Я кричу по ночам, – сказал я ему.

– Говорят, я храплю, – ответил он. – А еще я непредсказуемо сплю и бодрствую и часто использую каминную доску для стрельбы. Мне понадобится гостиная, чтобы принимать клиентов. Я эгоистичен, склонен к уединению, на меня легко нагнать скуку. Обеспокоит ли это вас?

Я улыбнулся, покачал головой и протянул ему руку. Мы уговорились.

Комнаты на Бейкер-стрит, которые он для нас подобрал, более чем подходили двум холостякам. Я запомнил, что сказал мой друг о своей склонности к уединению, и не расспрашивал, чем он зарабатывает на жизнь. Однако любопытство мое было растревожено. Посетители приходили в любое время дня и ночи, и тогда я покидал гостиную и отправлялся к себе в спальню, размышляя, что общего может быть у этих людей с моим другом: бледная женщина с бельмом, человечек, похожий на коммивояжера, тучный денди в бархатном сюртуке, все остальные. Одни приходили часто, другие лишь однажды, говорили с ним и уходили, взбудораженные или, напротив, умиротворенные.

Он был для меня загадкой.

Однажды утром, когда мы сидели за великолепным завтраком, приготовленным нашей хозяйкой, мой друг колокольчиком призвал эту добрую даму.

– Примерно через четыре минуты к нам присоединится еще один джентльмен, – сказал он. – Подайте для него прибор.

– Хорошо, – сказала она. – Поджарю еще сосисок.

Мой друг вернулся к утренней газете. Со все возрастающим нетерпением я ожидал объяснений. Наконец не выдержал:

– Не понимаю. Откуда вы знаете, что через четыре минуты к нам придет гость? Не было ни телеграммы, ни иных уведомлений.

Он скупно улыбнулся:

– Вы не слышали грохота бромага пару минут назад? Он замедлился подле нас – очевидно, кучер узнал нашу дверь, а затем набрал скорость и проехал мимо, на Мэрилбоун-роуд. Множество экипажей и кэбов высаживают пассажиров у вокзала и Музея восковых фигур, и в этой толчее сойдет любой, кто не желает, чтобы его заметили. Оттуда до нашего дома – каких-то четыре минуты пешком...

Он взглянул на карманные часы, и в этот миг я услышал шаги на лестнице.

– Входите, Лестрейд, – сказал мой друг. – Дверь открыта, а ваши сосиски вот-вот поджарятся.

Человек, который, по видимости, и был Лестрейдом, открыл дверь и аккуратно притворил ее за собой.

– Не хотелось бы злоупотреблять вашим гостеприимством, – сказал он. – Но, сказать по правде, сегодня утром мне так и не выдалась возможность позавтракать. И я, безусловно, смогу отдать должное сосискам. – Тот самый человек, которого я уже видел у нас, – с манерами коммивояжера, продающего мелочи из резины или патентованную панацею.

Мой друг дождался, пока наша хозяйка выйдет из комнаты, и обратился к гостю:

– Как я понимаю, это дело государственной важности.

– Вот это да! – воскликнул Лестрейд и побледнел. – Но ведь слухи еще не могли просочиться... Скажите, что нет. – Он принялся накладывать себе в тарелку сосиски, филе селедки, рис с яйцом и тосты, но руки у него отчасти тряслись.

– Разумеется, нет, – успокоил его мой друг. – За эти годы я выучил, как скрипят колеса вашего экипажа: вибрирующая соль-диез и до в третьей октаве. А если инспектор Лестрейд из Скотланд-Ярда не хочет, чтобы видели, как он приходит к единственному в Лондоне сыщику-консультанту, и тем не менее все равно

отправляется к нему, да еще не позавтракав, сразу ясно, что дело необычное. Следовательно, оно касается сильных мира сего и является делом государственной важности.

Лестрейд салфеткой вытер с подбородка желток. Я смотрел на нашего гостя во все глаза. Он совсем не походил на полицейского инспектора в моем представлении, но с другой стороны, и мой друг был совсем не похож на сыщика-консультанта – что бы это ни значило.

– Возможно, нам стоило бы обсудить это дело наедине, – сказал Лестрейд, взглянув на меня.

Мой друг хитро улыбнулся и покачал головой, как делал всегда, наслаждаясь шуткой, никому более не понятной.

– Глупости, – фыркнул он. – Одна голова хорошо, а две – лучше. То, что можно сказать мне, можно сказать и моему другу.

– Если я мешаю... – резко начал я, но он знаком велел мне замолчать.

Лестрейд пожал плечами.

– Мне все равно, – после паузы сказал он. – Если вы раскроете это дело, я сохраню работу. Если нет – я работы лишусь. Используйте свои методы, вот что я вам скажу. Вряд ли будет хуже.

– История учит нас по меньшей мере тому, что хуже может быть всегда, – заметил мой друг. – Когда мы едем в Шордич?

Лестрейд уронил вилку.

– Это уж слишком! – воскликнул он. – Вы насмехаетесь надо мной, а сами все знаете об этом деле! Как вам не стыдно...

– Об этом деле мне не сообщали ровным счетом ничего. Когда инспектор полиции входит в мой дом со свежими пятнами грязи своеобразного горчичного цвета на ботинках и брюках, мне вполне простится догадка, что до того, как

приехать сюда, он побывал возле земляных работ на Хоббс-лейн в Шордиче, каковой – единственное место в Лондоне, где встречается глина подобного оттенка.

Инспектор Лестрейд смутился.

– Да, если взглянуть под таким углом, – сказал он, – это кажется очевидным.

Мой друг отодвинул тарелку.

– Разумеется, – слегка раздраженно ответил он.

В Ист-Энд мы поехали в кэбе. Инспектор Лестрейд вернулся на Мэрилбоун-роуд к своему брогаму, и мы с моим другом остались вдвоем.

– Так вы и правда сыщик-консультант? – спросил я.

– Единственный в Лондоне, а быть может, и в мире, – сказал мой друг. – Я не берусь за дела. Я консультирую. Люди приходят ко мне и рассказывают о своих неразрешимых проблемах, а я время от времени эти проблемы решаю.

– Значит, все эти люди, которые ходят к вам...

– Да, по большей части полицейские служащие или частные детективы...

Утро выдалось погожим и ясным, но мы проезжали окраины трущоб Сент-Джайлза, этого прибежища воров и головорезов, что портит лик Лондона, как раковая опухоль – личико хорошенькой цветочницы, и лишь тусклый слабый свет проникал в кэб.

– Вы уверены, что мне стоило ехать с вами?

Мой друг пристально посмотрел на меня.

– У меня предчувствие, – сказал он. – Предчувствие, что нам уготовано быть вместе. Что когда-то в прошлом или, может, в будущем мы сражались спина к

спине, и то была славная битва. Я человек сугубо рациональный, но знаю цену хорошему компаньону, и с той минуты, когда увидел вас, я сразу понял, что могу доверять вам, как себе самому. Да. Я считаю, вам стоило поехать со мной.

Я покраснел и, возможно, выдавил какие-то пустые слова. В первый раз после Афганистана я, кажется, что-то значил в этом мире.

2. Комната

«ЖИЗНЕННАЯ СИЛА» Виктора! Электрический ток! Вашим членам и интимным органам не хватает энергии? Вы с тоской вспоминаете дни юности? Радости плоти забыты? «ЖИЗНЕННАЯ СИЛА» Виктора вернет жизнь тому, что давно ее лишилось: даже старый боевой конь вновь обернется пламенным жеребцом! Верните себе настоящую жизнь: древний фамильный рецепт плюс последние научные достижения. Для получения документации, подтверждающей действенность «ЖИЗНЕННОЙ СИЛЫ» Виктора, пишите в компанию «В. фон Ф.», Лондон, Чип-стрит, 1б.

Дешевые меблированные комнаты в Шордиче. Полицейский у парадной двери. Лестрейд поздоровался с ним, назвав по имени, и распорядился впустить нас; я уже приготовился войти, но мой друг задержался на крыльце и извлек из кармана пальто увеличительное стекло. Осмотрел грязь на кованой железной скребнице, поковырял ее пальцем. Мы вошли внутрь, лишь когда он удовлетворил любопытство.

Мы взошли по лестнице. Место преступления мы вычислили сразу: его охраняли два дородных констебля.

Лестрейд кивнул полицейским, и те посторонились. Мы шагнули через порог.

Я, повторюсь, по профессии не писатель и не решаюсь описать эту комнату, ибо сознаю, что слова мои не отдадут картине должного. Однако я начал это повествование и, боюсь, обязан продолжать. В комнатухе было совершено убийство. Тело – его останки – все еще лежало на полу. Я увидел его, но поначалу словно бы и не увидел. Сперва я заметил лишь то, что изверглось и

вытекло из горла и груди жертвы – цветом оно было от желчно-зеленого до травяного. Оно пропитало потертый ковер и забрызгало обои. На мгновение я вообразил, что это работа некоего дьявольского художника, решившего написать этюд в изумрудных тонах.

Как будто целую вечность спустя я перевел взгляд на тело, распотрошенное, будто кроличья тушка на мясницкой колоде, и попытался извлечь из увиденного хоть каплю смысла. Я снял шляпу, мой друг поступил так же.

Он встал на колени и осмотрел тело, изучил раны. Потом достал увеличительное стекло, подошел к стене и вгляделся в засыхающие брызги ихора.

– Мы уже все осмотрели, – заметил инспектор Лестрейд.

– Правда? – отозвался мой друг. – И к какому вы пришли заключению? Мне представляется, это какое-то слово.

Лестрейд подошел к моему другу и поднял взгляд. В самом деле, слово – заглавными буквами, зеленой кровью на выцветших желтых обоях, прямо над головой инспектора.

– RACHE?.. – задумчиво произнес Лестрейд, прочитав по слогам. – Вполне очевидно, что он хотел написать имя Рэчел, но ему помешали. Значит, надо искать женщину...

Мой друг не сказал ни слова. Он вернулся к телу и осмотрел руки жертвы, сначала одну, потом другую. Ихора на пальцах не было.

– По-моему, вполне очевидно, что это написал не его королевское высочество...

– Какого дьявола вы решили...

– Дорогой Лестрейд. Допустите хотя бы на миг, что у меня все-таки есть мозги. Труп явно принадлежит не человеческому существу. Цвет крови, число конечностей, глаза, расположение лица – все выдает королевскую кровь. Не могу сказать точно, какой именно династии, но рискну предположить, что это наследник... нет, второй сын в королевском роду некоего немецкого княжества.

– Поразительно! – Лестрейд умолк в нерешительности, затем продолжил: – Это принц Богемский Франц Драго. Прибыл в Альбион гостем ее величества королевы Виктории. Решил отдохнуть и сменить обстановку...

– На театры, шлюх и игорные дома, вы хотите сказать.

– Если вам будет угодно, – смутился Лестрейд. – Так или иначе, вы дали нам хорошую зацепку – надо искать эту Рэчел. Не сомневаюсь, с этим мы справимся сами.

– Безусловно, – сказал мой друг.

Продолжив осмотр, он отпустил несколько ядовитых замечаний касательно полицейских, которые затаптывают следы и передвигают предметы, каковые могли бы оказаться весьма полезными для того, кто пытается реконструировать события минувшей ночи.

Однако более всего его заинтересовала кучка земли, обнаруженная за дверью.

У камина он нашел следы грязи или же пепла.

– Вы видели это? – спросил он Лестрейда.

– В полиции ее королевского величества, – отвечал Лестрейд, – как-то не принято впадать в ажитацию, находя пепел в камине. Ибо там ему и пристало быть. – И он захихикал над собственной шуткой.

Мой друг присел на корточки, взял щепотку пепла, растер ее в пальцах и понюхал. Затем собрал остатки, ссыпал в стеклянную пробирку, тщательно закупорил и убрал во внутренний карман пальто.

– А что с телом? – спросил он, поднявшись.

– Из дворца пришлют людей, – сказал Лестрейд.

Мой друг кивнул мне, и мы вместе пошли к выходу. Мой друг вздохнул.

– Инспектор, поиски мисс Рэчел могут оказаться бесплодны. Помимо прочего, «Rache» – немецкое слово. Оно означает «месть». Загляните в словарь. Есть и другие значения.

Мы спустились по лестнице и вышли на улицу.

– Как я понимаю, до сегодняшнего утра вы не видели королевских особ? – спросил он. Я покачал головой. – Да уж, поистине тяжкое испытание для неподготовленного человека. Друг мой, да вы весь дрожите!

– Прошу прощения. Я вскорости приду в себя.

– Быть может, прогулка пойдет вам на пользу? – спросил он, и я согласился, понимая, что закричу, если застыну хоть на минуту. – Что ж, тогда нам к западу. – Мой друг указал на темную башню дворца. И мы пошли. – Итак, – продолжал он после паузы, – вам прежде не случалось воочию видеть особу королевской крови.

– Нет, – выдохнул я.

– Что ж, пожалуй, у меня есть все резоны предположить, что первая встреча не станет последней, – сказал он. – И в следующий раз вы узрите не труп. Причем довольно скоро.

– Мой дорогой друг, что дает вам основания?..

Вместо ответа он указал взглядом на черный экипаж, остановившийся ярдах в пятидесяти впереди. Человек в черном цилиндре и пальто молча ждал, придерживая распахнутую дверцу. На ней красовался золоченый герб, знакомый у нас в Альбионе каждому ребенку.

– Есть приглашения, от которых не отказываются, – молвил мой друг. Он снял шляпу и кивнул лакею; мне показалось, что он улыбался, забираясь в тесную карету и откидываясь на мягкие кожаные подушки.

По дороге я попытался с ним заговорить, но он приложил палец к губам. Потом закрыл глаза и, очевидно, погрузился в раздумья. Я же попытался припомнить,

что знаю о немецкой королевской династии, но на ум ничего не приходило – вот разве что супруг королевы принц Альберт тоже был немцем.

Я вытащил из кармана пригоршню монет: коричневых и серебряных, черных и зеленовато-медных. Я смотрел на портрет королевы, отчеканенный на монетах, и меня обуревали гордость за свою страну и пронзительный ужас. Я убеждал себя, что когда-то я был солдатом, мне был неведом страх, и я помнил то время, когда это было чистой правдой. На мгновение я вспомнил, каким был сорвиголовой – и, тешу себя надеждой, отличным стрелком, – но правая рука дрогнула, будто парализованная, монетки, звеня, рассыпались, и во мне остались лишь горькие сожаления.

3. Дворец

Наконец-то свершилось! Доктор Генри Джекилл с гордостью сообщает о начале массового выпуска всемирно известного «Порошка Джекилла». Теперь это волшебное средство – больше не привилегия избранных. Освободите свою внутреннюю сущность! Незаменимый препарат для внутреннего и внешнего очищения! Слишком многие – мужчины и женщины равно – страдают от ДУШЕВНОГО ЗАПОРА! «Порошок Джекилла» принесет облегчение сразу и по разумной цене (с ароматом ванили или ментола).

Супруг королевы принц Альберт был тучным мужчиной с впечатляющими лихо закрученными усами, с редющей шевелюрой и, вне всяких сомнений, человеком. Он встретил нас в коридоре, кивнул нам обоим, но не спросил наших имен и не предложил руки для рукопожатия.

– Королева весьма расстроена, – сказал он. Говорил он с акцентом. Вместо «с» произносил «з». «Везьма». «Разстроена». – Франц был ее любимцем. У нее много племянников. Но он так умел ее рассмешить. Вы найдете того, кто это сделал.

– Сделаю все от меня зависящее, – сказал мой друг.

– Я читал ваши труды, – сказал принц Альберт. – Это я посоветовал обратиться к вам. Надеюсь, я не ошибся.

– Я тоже на это надеюсь, – сказал мой друг.

А потом огромные двери открылись, и нас ввели в темноту, в покои королевы.

Ее называли Виктория – Победа, – ибо она победила нас в битве семьсот лет назад, ее называли Славной, ибо слава ее разнеслась по всему миру, ее называли Королевой, ибо человеческий речевой аппарат не способен произнести ее подлинное имя. Она была огромна – большее, чем я представлял, – и она неподвижно сидела в сумраке, и она смотрела на нас.

– Вы обязаны раскрыть зсие убийство, – донеслось из сумрака.

– Да, мэ, – ответил мой друг.

Ее щупальце изогнулось и указало на меня.

– Приблизься.

Я честно хотел приблизиться. Ноги не слушались меня.

Мой друг пришел мне на помощь. Он взял меня за локоть и подвел к ее величеству.

– Не бояться. Быть достойным. Зсопродать, – вот что она мне сказала. У нее было очень приятное контральто, в коем отзвучивало жужжание. Потом она развернула щупальце и коснулась моего плеча. На мгновение – лишь на мгновение – все мое существо охватила пронзительная боль, какой я не испытывал никогда в жизни, а затем боль эта сменилась всепоглощающим благоденствием. Мышцы плеча расслабились, и впервые с тех пор, как я вернулся из Афганистана, боль ушла.

Потом к королеве приблизился мой друг. Виктория говорила только с ним, но я не слышал ее слов; быть может, они проникали к нему в сознание напрямую, минуя слух, и то был Королевский Совет, о котором я читал в исторических хрониках. Мой друг отвечал ей вслух:

– Разумеется, мэм. Я уже выяснил, что в ту ночь в комнате вместе с вашим племянником находились еще двое. Следы были смутны, однако читаются безошибочно. – И затем: – Да, я понимаю... Полагаю, да... Да.

Он молчал, когда мы выходили из дворца и потом всю дорогу до Бейкер-стрит.

На улице уже стемнело. Интересно, сколько же времени мы провели во дворце.

Пальцы прокопченного тумана шевелились над дорогой и в небесах.

На Бейкер-стрит я глянул в зеркало у себя в спальне. Белесая мертвая кожа на плече слегка порозовела. Я надеялся, что это не плод моего воображения и не отблеск лунного света за окном.

4. Представление

ЖАЛУЕТЕСЬ НА ПЕЧЕНЬ?! СТРАДАЕТЕ ОТ РАЗЛИТИЯ ЖЕЛЧИ?! НЕВРАСТЕНИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА?! ГНОЙНЫЙ ТОНЗИЛЛИТ?! АРТРИТ?! Вот лишь немногие недуги, от которых вас гарантированно избавит профессиональное КРОВОПУСКАНИЕ. В наших конторах хранятся целые кипы благодарственных писем, каковые вы можете прочесть в любое время. Не доверяйте свое здоровье ЛЮБИТЕЛЯМ! Мы практикуем очень давно: В. ЦЕПЕШ – ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ КРОВОПУСКАТЕЛЬ (правильно произносится Цеп-пеш!). Румыния, Париж, Лондон, Уитби. Если в прочих средствах спасения нет – ТОЛЬКО МЫ СПАСЕМ ВАС ОТ ЛЮБЫХ БЕД!

Мой друг был непревзойденным мастером маскировки, каковой факт не должен был удивить меня и однако же удивил. За десять дней в нашу квартиру на Бейкер-стрит заходили всевозможные персонажи: пожилой китаец, молодой фронт, рыжеволосая толстуха, чей прошлый род занятий не вызывал ни малейших сомнений, и почтенный старик с забинтованными подагрическими ногами. Каждый проходил в комнату моего друга и со скоростью, какой позавидовал бы артист мюзик-холла, выступающий с номером «мгновенное переодевание», оттуда появлялся он сам.

Он не распространялся о том, чем занимается в этих обличьях, предпочитая отдыхать, глядя в одну точку и время от времени делая пометки на любом клочке бумаги, попадавшемся ему под руку, – пометки, которые, сказать по чести, мне представлялись маловразумительными. Он был совершенно поглощен этим делом – настолько, что я слегка опасался за его здоровье. А потом как-то под вечер он вернулся домой в собственном обличье и спросил, добродушно улыбаясь, интересуюсь ли я театром.

– Как любой культурный человек, – ответил я.

– Тогда берите свой театральный бинокль, – сказал он. – Мы идем в Королевский театр.

Я ожидал, что мы идем в оперетту или что-нибудь подобное, но оказался в едва ли не худшем театре на Друри-лейн, хотя и носившем громкое название «Королевский» – да честно сказать, этот вертеп располагался даже не на самой Друри-лейн, а в конце Шафтсбери-авеню, поблизости от трущобного района Сент-Джайлз. По совету моего друга я спрятал бумажник подальше и, по его примеру, захватил трость с набалдашником потяжелее.

Когда мы уселись (у хорошенькой девицы, продававшей зрителям апельсины, я купил фрукт за три пенни и ел в ожидании спектакля), мой друг заметил, понизив голос:

– Вам еще повезло, что я не брал вас с собою в игорные притоны и бордели. Или в сумасшедшие дома. Как выяснилось, их принц Франц тоже любил посещать. Однако он нигде не бывал больше одного раза. За исключением...

Грянул оркестр, поднялся занавес. Мой друг замолчал.

Последовали три одноактные пьесы – неплохое представление в своем роде. В перерывах пели комические куплеты. Премьером был высокий бледный мужчина с приятным голосом; примадонной – весьма элегантная дама, чей мощный голос разносился по всему залу. Комедиант отменно исполнял речитативы.

Первая пьеса оказалась в меру фривольной комедией ошибок: премьер исполнял сразу две роли. Он играл двух близнецов, которые никогда не встречались друг с другом, но благодаря череде комических случайностей оказались помолвлены

с одной и той же юной особю, каковая – что особенно забавно – считала, что помолвлена с одним мужчиной. Двери на сцене открывались и закрывались, когда актер менял личины и костюмы.

Вторая пьеса была трогательной историей девочки-сиротки, умиравшей от голода в лютый мороз, продавая фиалки. В финале бабушка девочки узнала ее и поклялась, что пред нею то самое дитя, которое бандиты украли десять лет назад, но было уже поздно, и замерзший ангелок испустил последний вздох. Должен признаться, в ходе спектакля я не раз промокал глаза льняным платком.

Представление завершилось потрясающей исторической пьесой, действие коей разворачивалось в поселении на берегу океана семьсот лет назад. Вся труппа играла жителей деревни. Однажды они вышли на берег и узрели тени, вздымавшиеся из моря вдалеке. Главный герой радостно объявил, что это Старейшие, Великие Древние, чей приход был предсказан давным-давно, – они возвращаются к нам из Р'лайха, из туманной Каркозы и с равнин Ленга, где спали, или ждали, или проводили свое посмертие. Комедиант возразил, что деревенские жители злоупотребляют пирогами и хмельным элем – вот им и мерещатся всякие тени. Тучный джентльмен, игравший жреца Римского Бога, утверждал, что тени, встающие из пучины морской, – это демоны и чудовища, которых надлежит уничтожить.

В кульминации главный герой забил жреца насмерть его же распятием и приготовился встречать Их. Героиня спела незабываемую арию, и нам предстало изумительное зрелище, созданное при посредстве волшебного фонаря: Тени Старейших медленно плыли по серому небу на заднике – сама Королева Альбиона, Черный Владыка Египта (с силуэтом почти человеческим), Древний Козлище, Прародитель Тысячи, Император Китая, Неопровержимый Царь, затем Тот, Кто Правит Новым Миром, и Белая Дама Антарктической Твердыни, и прочие. Всякий раз, когда новая тень пересекала сцену, из уст всех, кто сидел на балконе, вырывался крик «Хаззах!», пока не завибрировал сам воздух. На нарисованном небе взошла и достигла зенита луна, коя затем силами всемогущего театрального волшебства превратилась из бледно-желтой, как в старых легендах, в привычно багровую – ту, что сияет над миром сейчас.

Актеры поклонились, потом вышли на бис под смех и приветственные крики публики, занавес опустился в последний раз, и представление закончилось.

– Ну, – молвил мой друг, – что скажете?

– Блестяще, просто блестяще, – ответил я, потирая ладони, болевшие от аплодисментов.

– Храбрый вы парень, – сказал он с улыбкой. – Давайте пройдем за кулисы.

Мы вышли на улицу и, свернув в переулок за театром, подошли к служебному входу, возле которого сидела тощая женщина с жировиком на щеке и деловито вязала. Мой друг показал визитную карточку, и женщина пропустила нас внутрь. Мы взошли по лестнице в маленькую общую гримерку.

Перед закопченными зеркалами горели масляные лампы и свечи, актеры – мужчины и женщины – снимали грим и костюмы, ничуть не стесняясь друг друга. Я отвел глаза. Мой друг оставался невозмутим.

– Могу ли я поговорить с мистером Верне? – громко спросил он.

Девушка, которая играла лучшую подругу главной героини в первой пьесе и нахальную дочь трактирщика в последней, указала нам в дальний конец комнаты.

– Шерри! Шерри Верне! – позвала она.

Юноша, поднявшийся на ее зов, был худощав и не столь условно красив, сколь казалось из зала. Он вопросительно взглянул на нас:

– Кажется, не имею удовольствия...

– Меня зовут Генри Кемберли, – сказал мой друг, отчасти растягивая слова. – Возможно, вы слышали обо мне.

– Должен признаться, не имел чести, увы, – сказал Верне.

Мой друг вручил актеру визитную карточку.

Верне рассмотрел ее с неподдельным интересом.

– Театральный агент? Из Нового Света? Боже мой! А это?.. – Он посмотрел на меня.

– Это мой друг, мистер Себастьян. Он не нашей профессии.

Я забормотал о том, как мне понравилось представление, и мы обменялись рукопожатием.

– Вы бывали в Новом Свете? – осведомился мой друг.

– Не был удостоен, – признался Верне, – хотя это моя заветная мечта.

– Что ж, дружище, – сказал мой друг, имитируя легкую фамильярность выходца из Нового Света, – возможно, вашей мечте суждено сбыться. Последняя пьеса. В жизни не видел ничего подобного. Это вы написали?

– Увы, нет. Не я. Автор – мой хороший друг. Но я придумал механизм волшебного фонаря для представления теней. Лучше нет ни в одном театре.

– А вы не могли бы назвать мне имя этого драматурга? Возможно, мне стоит поговорить с вашим приятелем лично.

Верне покачал головой:

– Боюсь, это никак невозможно. Он человек деловой и не хочет, чтобы кто-то знал о его причастности к театру.

– Понятно. – Мой друг вытащил из кармана трубку, сунул ее в рот и рассеянно похлопал себя по карманам. – Прошу прощения, – сказал он, – кажется, я забыл свой кисет.

– Я курю крепкий черный табак, – сказал актер, – если вас это не смущает...

– Ни в коем случае, – с жаром заверил его мой друг. – Я и сам курю крепкий табак. – Он набил трубку предложенным табаком, и они закурили. Мой друг живописал свое видение пьесы, с которой можно было бы отправиться в тур по городам Нового Света, от острова Манхэттен и до самого дальнего южного края

континента. Первый акт – третья сегодняшняя пьеса. Далее можно было бы развернуть драматическое повествование о власти Старейших над людьми и их богами, или, быть может, о том, что случилось бы с человечеством, не будь у него образчиков в лице Королевских семей, о мире варварства и тьмы. – Впрочем, ваш таинственный деловой человек станет автором этой пьесы и разберется сам, – оборвал свою речь мой друг. – Мы поставим спектакль по его пьесе. Но я гарантирую вам внимание публики, о каком вы и не мечтали, и значительную часть дохода от билетов. Скажем, пятьдесят процентов!

– Очень заманчиво, – сказал Верне. – Надеюсь, это не станет очередной иллюзией волшебного фонаря!

– Нет, сэр, разумеется, нет, – со смехом ответил мой друг, дымя трубкой. – Приходите ко мне на Бейкер-стрит завтра утром, после завтрака, часов, скажем, в десять, вместе со своим другом-драматургом – я подготовлю контракты.

Актер воздвигся на стул и хлопнул в ладоши, привлекая всеобщее внимание.

– Дамы и господа, я хочу сделать объявление! – сказал он, и его звучный голос заполнил всю гримерку. – Этот джентльмен – Генри Кемберли, театральный агент, и он предлагает нам переплыть Атлантический океан, дабы обрести богатство и славу.

Кое-кто радостно вскрикнул, а комик заметил:

– Да, это будет приятное разнообразие после селедки и квашеной капусты, – и все рассмеялись.

И под этот смех мы с моим другом вышли из театра на объятые туманом улицы.

– Мой дорогой друг, – сказал я. – Что бы вы ни затевали...

– Ни слова больше, – перебил он меня. – В этом городе слишком много ушей.

Мы не обмолвились ни единым словом, пока не поймали кэб и не забрались внутрь; кэб загрохотал по Черринг-кросс-роуд.

И даже тогда мой друг для начала вытащил изо рта трубку и вытряхнул наполовину выкуренный табак в жестянку. Он плотно завернул крышку и убрал жестянку в карман.

– Что ж, – сказал он. – Долговязого мы нашли – или же я голландец. Остается надеяться, что жадность и любопытство Хромого Доктора приведут его завтра утром к нам в дом.

– Хромой Доктор?

Мой друг фыркнул:

– Я его так называю. По следам и прочим уликам на месте преступления я понял, что в ту ночь в комнате, помимо жертвы, были еще двое: высокий мужчина, которого, если я понимаю правильно, мы только что отыскали, и еще один, ниже ростом и хромой – он профессионально выпотрошил принца, что выдает в нем медика.

– Доктора?

– Именно. Неприятно об этом говорить, однако мой опыт доказывает, что если врач обращается ко злу, он ужасней и отвратительней наимерзейшего головореза. Взять хотя бы Хьюстона, который использовал ванну с кислотой, или Кэмбла, который привез в Илинг прокрустово ложе... – Весь остаток пути он говорил в том же ключе.

Кэб остановился.

– С вас шиллинг и десять пенсов, – сказал кэбмен. Мой друг бросил ему флорин, кэбмен ловко поймал монету на лету и коснулся поношенного цилиндра. – Премного вам обоим благодарен, – сказал он, и лошадь зацокала в туман.

Мы пошли к парадной двери. Когда я отпер ее, мой друг сказал:

– Странно. Наш кэбмен взял и проехал мимо вон того человека на углу.

– В конце смены такое бывает, – заметил я.

– В самом деле, – сказал мой друг.

В ту ночь мне снились тени, огромные тени, затмевавшие солнце. Я в отчаянии взывал к ним, но они не хотели меня услышать.

5. Кожица и косточка

Начинайте весну с весенней походки! Сапоги, туфли и башмаки от ДЖЕКА. Спасайте свои подметки! Каблуки – наша специальность. Обувь от ДЖЕКА. И не забудьте посетить наш новый магазин готовой одежды и аксессуаров в Ист-Энде: вечерние платья, шляпки, новинки сезона, трости, трости со шпагами... Магазин ДЖЕКА на ПИКАДИЛЛИ. Весенняя упругость в весенних прогулках!

Первым явился инспектор Лестрейд.

– Вы поставили на улице своих людей? – спросил мой друг.

– Конечно, – ответил Лестрейд. – И дал им строгие указания впускать любого, кто захочет войти, и задерживать всякого, кто попытается выйти.

– И у вас есть с собой наручники?

Вместо ответа Лестрейд сунул руку в карман и мрачно побренчал двумя парами наручников.

– А пока мы ждем, сэра, – сказал он, – может быть, вы расскажете мне, чего именно мы ждем?

Мой друг извлек из кармана трубку, но не закурил, а положил ее на стол. Затем достал жестянку, в которую вчера ссыпал табак, и стеклянный пузырек, куда собрал пепел, найденный у камина в той комнате в Шордиче.

– Вот, – сказал он. – Гвоздь в гроб нашего нового друга, мистера Верне. Если я все понимаю правильно. – Он помолчал, достал карманные часы и осторожно

положил их на стол. – У нас есть еще несколько минут. – Он повернулся ко мне: – Что вам известно о восстановителях?

– Ничего хорошего, – ответил я.

Лестрейд кашлянул.

– Если вы говорите о том, о чем я думаю, – сказал он, – этот разговор лучше, пожалуй, немедленно прекратить.

– Поздно, – сказал мой друг. – Ибо есть те, кто не верит, что пришествие Старейших было благом для человечества, как полагаем все мы. Эти анархисты хотят восстановить старый порядок, когда люди сами, если угодно, вершили свою судьбу.

– Я не желаю выслушивать этот опасный бред, – заявил Лестрейд. – Должен предостеречь вас...

– Должен предостеречь вас, – перебил мой друг, – не надо быть таким ослом. Потому что принца Франца Драго убили восстановители. Они убивают в тщетных попытках понудить наших хозяев оставить нас в покое, «во тьме невежества». Принца убил *gache* – этим словом прежде называли охотничьих псов, и если бы вы потрудились заглянуть в словарь, инспектор, вы бы это знали. Также оно означает «месть». Охотник оставил автограф на обоях в комнате, где совершил убийство, как художник, который подписывает картину. Но принца убил не он...

– Хромой Доктор! – вскричал я.

– Очень хорошо. В ту ночь в комнате был высокий мужчина – я сумел вычислить его рост, поскольку надпись располагалась на уровне глаз. Он курил трубку – в камине остались пепел и табак – и с легкостью выбил ее о каминную полку, что затруднительно было бы сделать невысокому человеку. Необычный сорт крепкого табака. Следы в комнате были по большей части затоптаны вашими исполнительными подчиненными, но я все же нашел пару четких следов за дверью и у окна. Кто-то ждал там: человек небольшого роста, судя по походке, и при ходьбе он налегал на правую ногу. На дорожке рядом с домом я нашел еще несколько четких следов, а на скребнице осталась глина многообразных оттенков, что дало мне дополнительные сведения: высокий человек сопровождал

принца в меблированные комнаты, а потом ушел. В комнате их дожидался второй, кто так мастерски принца разделал...

Лестрейд недовольно булькнул, но слов не получилось.

– Я провел не один день, пытаюсь отследить передвижения его высочества. Ходил по игорным домам и борделям, обошел все сумасшедшие дома. Я искал человека, который курит трубку, и его друга. Но я не добился успеха, пока не решил просмотреть газеты Богемии в поисках хоть какой-то зацепки, дабы понять, чем мог заниматься принц, и тогда я узнал, что в прошлом месяце английская театральная труппа была с гастролью в Праге и выступала перед принцем Францем Драго...

– Боже милостивый! – воскликнул я. – Значит, Шерри Верне...

– Правильно, восстановитель.

Я покачал головой, поражаясь интеллекту и проницательности моего друга, и в этот миг раздался стук в дверь.

– А вот и наша добыча! – сказал мой друг. – Будьте осторожны!

Лестрейд запустил руку в карман, где у него, без сомнения, лежал пистолет, и нервно сглотнул.

– Проходите, пожалуйста! – крикнул мой друг.

Дверь открылась.

Вошел не Верне и не Хромой Доктор. Появился арабский уличный мальчишка, из тех, кто зарабатывает на побегушках, – «из конторы “Волка ноги кормят”», как говорили во времена моей юности.

– Господа, – сказал он, – есть ли тут мистер Генри Кемберли? Один джентльмен поручил мне передать ему записку.

– Да, это я, – ответил мой друг. – А что вы можете рассказать мне об этом джентльмене? Скажем, за шесть пенсов?

Паренек, сообщивший, что его зовут Уиггинс, попробовал монетку на зуб, спрятал, а потом сказал, что веселый малый, который дал ему записку, был высок, темноволос и курил трубку.

Эта записка сейчас у меня, и я беру на себя смелость привести ее тут целиком.

Уважаемый сэръ!

Не стану называть Вас Генри Кемберли, ибо присвоить это имя Вы не имеете оснований. Меня удивило, что Вы не назвались своим подлинным именем: это доброе имя, и оно делает Вам честь. Я читал Ваши работы – все, что смог достать. Мы даже вели с Вами весьма оживленную переписку касательно Вашей работы о динамике астероидов.

Мне было безмерно приятно увидеться с Вами лично. Не сочтите за дерзость, но вот Вам несколько подсказок, могущих оказаться полезными в профессии, которую Вы ныне себе избрали. Начнем с того, что у человека, курящего трубку, могла оказаться в кармане совершенно новая трубка и при этом не оказаться табака, но это крайне маловероятно – не более вероятно, чем встретить театрального агента, который понятия не имеет о принятом в театральной среде обычае выплачивать актерам гонорар за тур, и к тому же в компании неразговорчивого отставного офицера (Афганистан, если не ошибаюсь). Кроме того, как Вы очень верно заметили, в Лондоне повсюду есть уши, и я бы не советовал вам садиться в первый же подъехавший кэб. У кэбменов уши тоже найдутся, если оные кэбмены захотят применить эти органы к делу.

Вы, безусловно, были правы, предположив, что это я заманил полукровку в меблированные комнаты в Шордиче.

Если Вас это утешит, могу сообщить, что, изучив склонности принца касаясь проведения досуга, я сказал, что доставил ему девушку из монастыря в Корнуолле, которая в жизни не видала ни одного мужчины, и, стало быть, его вид и прикосновение наверняка сведут ее с ума.

Если бы эта девушка поистине существовала, он вкушал бы ее безумие, наслаждаясь ее телом, он высосал бы ее разум, точно сок из мякоти спелого персика, оставив лишь кожицу и косточку. Я видел, как они творят ужасы и пострашнее. Это не та цена, которую стоит платить за мир и процветание. Эта цена слишком высока.

Мой добрый доктор, который разделяет мои убеждения и который в самом деле написал нашу пьесу – у него есть талант к увеселению публики, – ждал нас, держа наготове свои ножи.

Эта записка – не вызов, не «поймай меня, если сможешь», ибо мы с доктором уже покинули город и Вы не найдете нас; нет, я пишу, дабы сказать, что мне было приятно хотя бы на мгновение почувствовать, что у меня достойный соперник. Куда достойнее, чем нелюди из-под земли.

Боюсь, «Лицедеям со Стрэнда» придется искать себе нового премьера.

Не стану подписываться «Верне», и пока не закончится охота и не восстановится мир, молю Вас вспоминать меня под именем

Rache.

Инспектор Лестрейд выбежал из комнаты, созывая своих людей. Они заставили юного Уиггинса отвести их туда, где ему передали записку, – можно подумать, актер Верне ждал их там, покуривая трубку. Мы с моим другом посмотрели на них из окна и покачали головами.

– Они остановят и обыщут все поезда из Лондона и все корабли, отплывающие из Альбиона в Европу и в Новый Свет, – сказал мой друг. – Будут искать высокого мужчину и его спутника, который слегка прихрамывает. Они закроют вокзалы и порты. Блокируют все выезды из страны.

– Вы думаете, их поймают?

Мой друг покачал головой:

– Возможно, я ошибаюсь, но готов поспорить, что сейчас они примерно в миле от нас, в тущобах Сент-Джайлза, куда полицейские заходить не осмеливаются – разве что вдесятером. И эти двое станут прятаться там, пока не стихнет шум. А потом опять возьмутся за свое.

– Почему вы так думаете?

– Потому что, – ответил мой друг, – на их месте я бы поступил так. Кстати, записку лучше сжечь.

Я нахмурился:

– Но ведь это улика.

– Это крамольная чушь, – возразил мой друг.

И мне следовало ее сжечь. Более того, когда Лестрейд вернулся, я сказал ему, что сжег записку, и он ответил, что это было разумно. Лестрейд сохранил работу, а принц Альберт написал моему другу письмо, в котором выразил восхищение его блистательным интеллектом и сожаление о том, что преступник по-прежнему разгуливает на свободе.

Шерри Верне – или как его звали на самом деле – так и не поймали, как не поймали и его друга-убийцу, в котором предварительно опознали бывшего военного хирурга Джона (или, может, Джеймса) Уотсона. Что любопытно, он тоже служил в Афганистане. Не исключено, что мы с ним встречались.

Мое плечо, до которого дотронулась королева, заживает. Скоро я вновь смогу стрелять снайперски метко.

Однажды вечером несколько месяцев тому назад, когда мы были одни, я спросил моего друга, помнит ли он переписку, о которой упомянул в своем послании человек, называвший себя Rache. Мой друг ответил, что прекрасно помнит: «Сигерсон» (тогда актер называл себя так и утверждал, что он из Исландии), видимо, вдохновившись теориями моего друга, выдвигал завиральные теории о связи между массой, энергией и гипотетической скоростью света.

– Полная чушь, разумеется, – сказал мой друг без тени улыбки. – Но чушь вдохновенная и опасная.

Из дворца пришло сообщение о том, что королева довольна работой моего друга, и на этом дело закрыли.

Сомневаюсь, что мой друг так просто отступится. Эта история не завершится, пока один из них не убьет другого.

Я сохранил записку. В своем повествовании я сказал много такого, чего говорить не стоило. Будь я разумнее, я бы сжег эти страницы, но с другой стороны, как любит повторять мой друг, даже пепел способен выдать секреты. Я помещу эти бумаги в банковский сейф вместе с распоряжением вскрыть конверт лишь спустя многие годы после смерти всех причастных к этому делу. Впрочем, в свете российских событий, боюсь, день этот настанет гораздо раньше, чем нам предпочтительно полагать.

С.М., майор (в отставке)

Бейкер-стрит,

Лондон, Новый Альбион, 1881

Эльфийский рил

The Fairy Reel. © Перевод. Н. Эристави, 2007.

Когда бы снова я молод был,

И верил бы снам, и не верил бы смерти,

Я б сердце свое пополам поделил,

Чтоб быть среди вас хоть полжизни, поверьте!

Полсердца осталось на ферме моей,
Чтобы об эльфах страдать неустанно,
Полсердца крадется меж серых теней,
По тропке лесной, извилистой, тайной.

Когда бы встретил эльфийку я,
Я б стал целовать ее, робок и жалок.
Она же орлов созвала бы, друзья,
И к дереву в огне меня приковала!

И коль из черных сетей ее кос
Глупое сердце мое рвалось бы,
Она б его заперла в клетку из звезд,
И я бы оставил мольбы и просьбы.

Когда бы я опостылел ей,
Она б мое имя забыла даже,
А сердце бы кинула среди ветвей
Костра, вокруг которого эльфы пляшут.

Пусть с сердцем играют они моим,
Пускай его вытянут нитью гибкой,
Пускай обратят его в прах и дым,
Пускай струною натянут на скрипку!

Пусть день и ночь на сердце-струне
Играют они мелодии странные,

Чтоб каждый сгорал в них, точно в огне,
Чтобы плясал, пока ноги не ранит!

Вот – скрипка и танец ведут свой спор,
Чтоб эльфы летели в пламенном риле,
Чтоб в их очах, золотых, как костер,
Огни негасимые проступили!

Но стар я. Уж зим шестьдесят назад
Утратил я сердце свое без возврата,
Что ночь – несется оно сквозь ад,
Мелодий странных за гранью заката.

Я сердце свое разделить не посмел, —
Скитаюсь, слепец, одинок и беден...
К луне ущербной я не взлетел,
А солнцу неведом эльфийский ветер!

О вы, кто не слышит Эльфийский рил —
Похитят сердца ваши скоро, поверьте!
Да, молод был я, и глуп я был,
Оставьте ж меня в одиночестве смерти!

Октябрь в председательском кресле

October in the Chair. © Перевод Н. Гордеевой, 2007.

Посвящается Рэю Брэдбери

В председательском кресле сидел Октябрь, и вечер выдался прохладным; листья, красные и оранжевые, облетали с деревьев в роще. Все двенадцать сидели у костра и жарили на огне большие сосиски, которые шипели и плевались жиром, истекая на горящие яблоневые ветви. Все пили свежий яблочный сидр, жгучий и терпкий.

Апрель деликатно куснула сосиску, та лопнула, и горячий сок полился по подбородку.

- Чтоб ему пусто и ни дна ни покрышки, - сказала она.

Коренастый Март, сидевший рядом, рассмеялся гулко и похабно, а затем вытащил из кармана огромный несвежий носовой платок.

- Держи, - сказал он.

Апрель вытерла подбородок.

- Спасибо. Этот чертов мешок из кишок меня обжег. Завтра будет волдырь.

Сентябрь зевнул.

- Ты такой ипохондрик, - сказал он через костер. - И такая вульгарная. - У него были тонкие усики и залысины, отчего лоб казался высоким и мудрым.

- Отстань от нее, - сказала Май. У нее были короткие темные волосы и удобные ботинки. Она курила маленькую сигариллу, пахнущую гвоздикой. - Она чувствительная.

- Пр-рашу-у тебя, - протянул Сентябрь. - Давай без этого.

Октябрь, который ни на секунду не забывал, что сегодня он председательствует, отхлебнул сидра, прочистил горло и сказал:

- Ладно. Кто начинает? - Его кресло было вырезано из цельной дубовой колоды и отделано ясенем, вишней и кедром. Остальные сидели на пнях, равномерно расставленных вокруг костерка. За долгие годы эти пни стали гладкими и уютными.

- А протокол? - спросил Январь. - Когда в председательском кресле я, мы всегда ведем протокол.

- Но сейчас в кресле не ты, да, мой сладкий? - осведомился Сентябрь - элегантное воплощение иронической отзывчивости.

- Надо вести протокол, - не отступал Январь. - Без протокола нельзя.

- Пускай сам себя ведет, - сказала Апрель, запустив руку в длинные светлые волосы. - И я думаю, начать должен Сентябрь.

- С большим удовольствием, - горделиво кивнул тот.

- Эй, - вмешался Февраль. - Эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй. Я не слышал, чтобы председатель это одобрил. Никто не начинает, пока Октябрь не скажет, кто начинает, а после все остальные молчат. Можем мы сохранить хотя бы чуточное подобие порядка? - Он обвел всех взглядом - маленький, бледный, одетый в голубое и серое.

- Да нормально, - сказал Октябрь. Борода у него была разноцветная, словно роща по осени - бурая, оранжевая и винно-красная, давно не стриженная путаница на подбородке. Щеки - красные, точно яблоки. Он походил на доброго друга, которого знаешь всю жизнь. - Пусть начинает Сентябрь. Лишь бы уже кто-то начал.

Сентябрь положил в рот сосиску, изящно прожевал, проглотил и осушил кружку с сидром. Потом встал, поклонился слушателям и начал:

– Лорен Делиль был лучшим поваром в Сиэтле – по крайней мере, он сам так считал, а звезды Мишлен на двери его ресторана это подтверждали. Он был замечательным поваром, это правда: его бриоши с рубленой ягнятиной получили несколько наград, его копченые перепела и равиоли с белыми трюфелями «Гастроном» назвал десятым чудом света. Но его винные погреба... ах, его винные погреба... вот его гордость и страсть... И я его понимаю. Последний белый виноград собирают у меня, и красный по большей части тоже: я знаю толк в хороших винах, ценю аромат, вкус, послевкусие... Лорен Делиль покупал свои вина на аукционах, у частных лиц, у торговцев с репутацией. Он требовал генеалогический сертификат каждой бутылки, потому что мошенники, увы, попадаются слишком часто, если бутылка вина продается за пять, десять или сто тысяч долларов, фунтов или евро... Истинной жемчужиной – бриллиантом – редчайшей из редчайших, *ne plus ultra*[12 - Здесь: непревзойденной (лат.).] звездой его температурно сбалансированного винного погреба была бутылка «Шато Лафит» 1902 года. Бутылка стоила сто двадцать тысяч долларов, хотя вино это было поистине бесценным, ибо в мире сохранилась всего одна бутылка.

– Извините, – вежливо перебил Август. Он был самый толстый и редкие золотистые прядки зачесывал поверх розовой макушки.

Сентябрь воззрился на своего соседа:

– Да?

– Это не та история, где один богач купил вино, чтобы выпить за ужином, а повар решил, что блюда недостаточно хороши для такого вина, и предложил другие блюда, а у парня обнаружилась какая-то редкая аллергия, он умер прямо за столом, и дорогое вино так никто и не попробовал?

Сентябрь ничего не сказал. Зато взирал весьма.

– Потому что если та, ты уже ее рассказывал. Много лет назад. Глупая история. И с тех пор вряд ли стала умней. – Август улыбнулся. Его розовые щеки светились в отблесках костра.

Сентябрь сказал:

– Разумеется, тонкая чувствительность и культура не каждому по вкусу. Некоторым подавай барбекю и пиво, а кое-кто, подобно...

Вмешался Февраль:

– Мне не очень приятно заострять на этом внимание, но Август отчасти прав. Надо новую историю.

Сентябрь воздел бровь и поджал губы.

– У меня все, – обронил он и сел на свой пень.

Все они, месяцы года, выжидательно смотрели друг на друга сквозь пламя.

Июнь, стеснительная и опрятная, подняла руку:

– У меня есть история про таможенницу, которая работала на рентгеновской установке в аэропорту Ла-Гуардиа, она читала людей, как открытые книги, глядя на очертания их багажа на экране, и однажды она увидела такие чудесные контуры, что влюбилась в этого человека, хозяина чемодана, и ей нужно было понять, чей это багаж, а она не смогла и страдала долгие месяцы. А когда этот человек снова прошел мимо нее на таможенном контроле, она все-таки вычислила его – он был старый мудрый индеец, а она красивая негритянка двадцати пяти лет, и она поняла, что у них ничего не получится, и отпустила его, потому что по форме его чемодана узнала, что он скоро умрет.

Октябрь сказал:

– Хорошая история, юная Июнь. Рассказывай.

Июнь посмотрела на него, как испуганный зверек:

– Я только что рассказала.

Октябрь кивнул.

– Значит, рассказала, – объявил он, не дав прочим вставить слово. – Тогда, может быть, перейдем к моей истории?

Февраль шмыгнул носом.

– Вне очереди, здоровяк. Тот, кто сидит в председательском кресле, говорит, лишь когда выскажутся все остальные. Нельзя сразу переходить к главному блюду.

Май выкладывала дюжину каштанов на решетку над огнем, предварительно раскалывая их щипцами.

– Пусть рассказывает, если хочет, – сказала она. – Богом клянусь, хуже, чем про вино, все равно не будет. А у меня дел полно. Цветы, между прочим, сами по себе не распускаются. Кто за?

– Хотите устроить голосование? – удивился Февраль. – Мне даже не верится. Это что, взаправду? – Он вытер лоб салфеткой, которую вытащил из рукава.

Поднялось семь рук. Четверо воздержались: Февраль, Сентябрь, Январь и Июль.

(– Ничего личного, – сказала Июль, как бы извиняясь. – Процедура в чистом виде, не стоит создавать прецедентов.)

– Стало быть, решено, – сказал Октябрь. – Кто-нибудь хочет что-то сказать, пока я не начал?

– Э... Да. Иногда, – сказала Июнь, – иногда мне кажется, будто кто-то следит за нами из леса, я смотрю – а там никого нет. Но я все равно думаю, что есть.

– Это потому, что ты чокнутая, – сказала Апрель.

– Да уж, – сказал Сентябрь, обращаясь ко всем. – Вот она, наша Апрель. Очень чувствительная и при том самая жестокая.

– Ну, хватит, – решительно заявил Октябрь. Он потянулся. Зубами разгрыз фундук, вынул ядрышко, а скорлупу бросил в огонь, где она зашипела и

лопнула, и Октябрь заговорил.

Жил-был мальчик, сказал Октябрь, которому было плохо в родном доме, хотя его никто не бил. Просто он не подходил ни своей семье, ни своему городу, ни своей жизни. У него было два старших брата-близнеца, и они его обижали или не обращали на него внимания, и их все любили. Они играли в футбол: то один близнец забивал больше мячей, то другой. А их младший брат не играл в футбол. Они придумали ему прозвище. Прозвали его Коротышкой.

Они называли его Коротышкой с самого раннего детства, и родители сначала сильно их ругали.

А близнецы отвечали:

– Но он и есть Коротышка. Посмотрите на него. И посмотрите на нас. – Им тогда было по шесть лет. Родители решили, что это мило. Но такие прозвища прилипают намертво, и очень скоро его называла Дональдом только бабушка, которая звонила раз в год, чтобы поздравить его с днем рождения, – ну, и совершенно незнакомые люди.

А из-за того, по-видимому, что у имен есть своя власть, мальчик и впрямь был коротышкой: тощим, мелким и нервным. У него с самого рождения текло из носа – десять лет текло. За обедом близнецы отбирали у него еду, если она им нравилась, и подбрасывали свою, которая не нравилась, и тогда его ругали за то, что он не доел.

Их отец не пропускал ни одного футбольного матча и всегда покупал призовое мороженое тому, кто забил больше мячей, и утешительное – тому, кто забил меньше. Их мать говорила знакомым, что она журналист, хотя всего лишь продавала подписку и рекламные места: она вернулась на работу на полный день, когда близнецы научились сами заботиться о себе.

Одноклассники мальчика восхищались близнецами. Две-три недели в первом классе мальчика называли Дональдом, пока не прошел слух, что братья зовут его Коротышкой. Учителя вообще редко называли его по имени, хотя между собой иногда говорили о том, как жаль, что младший Ковай не такой храбрый и резвый фантазер, как его братья.

Коротышка не смог бы сказать точно, когда в первый раз решил убежать и когда его робкие мечты нарушили границу и превратились в реальные планы. К тому времени, когда он признался себе, что уходит, в большом пластиковом контейнере «Таппервер», спрятанном под куском полиэтилена за гаражом, уже лежали три батончика «Марс», два «Милки Вэя», горсть орехов, пакетик лакричных конфет, фонарик, несколько комиксов, нераспечатанная упаковка вяленого мяса и тридцать семь долларов, в основном четвертаками. Ему не нравился вкус вяленого мяса, но он где-то прочел, что путешественники неделями не ели ничего, кроме этого самого мяса, и именно в тот день, когда он положил пакет с вяленым мясом в контейнер и с чпоком нацепил крышку, он осознал, что должен будет убежать.

Он читал книги, газеты и журналы. Он знал, что если уйти из дома, тебе могут встретиться плохие люди, которые сделают с тобой что-то очень плохое, но еще он читал сказки и знал, что и добрые люди существуют на свете бок о бок с чудовищами.

Коротышка был тощеньким десятилетним мальчиком с вечно сопливым носом и пустым лицом. Если бы вы попытались узнать его в толпе других мальчишек, вы бы наверняка ошиблись. Нет, не тот – другой. Вон там, с краю. Тот, по которому скользнул взгляд.

Весь сентябрь он откладывал свой побег. А потом, как-то в пятницу, когда оба брата уселись на него (а тот, который сел ему на голову, пукнул и громко засмеялся), он решил, что какие бы чудовища ни поджидали его в этом мире, хуже точно не будет – скорее лучше.

В субботу за ним должны были приглядывать братья, но они почти сразу умчались в город, чтобы встретиться с девочкой, которая им обоим нравилась. Как только братья ушли, Коротышка достал из-под полиэтилена за гаражом пластмассовый контейнер. Отнес его к себе наверх. Вытряхнул свой школьный рюкзак на кровать, переложил в него конфеты, комиксы и вяленое мясо. Наполнил водой пустую бутылку из-под газировки.

Потом Коротышка пошел в город и сел в автобус. Он поехал на запад, на расстояние в десять долларов четвертаками от дома – этого места он не знал, но оно показалось ему хорошим началом пути, – вышел и зашагал вперед. Здесь не было тротуаров, и когда мимо проезжали машины, ему приходилось на всякий

случай спускаться в канаву.

Солнце стояло высоко. Мальчик проголодался, пошарил в рюкзаке и выудил «Марс». После «Марса» ему захотелось пить, и он выпил почти полбутылки воды, а потом сообразил, что дальше придется пить по чуть-чуть. Он-то думал, что, как только выберется из города, повсюду будут журчать родники со свежей водой, но вокруг не было ни одного. Только река под широким мостом.

Коротышка остановился на середине моста и, перегнувшись через перила, уставился на бурюю воду. Кажется, в школе им говорили, что все реки рано или поздно впадают в море. Он никогда не бывал на море. Он спустился на берег и пошел вслед за рекой. Вдоль берега тянулась илистая тропинка, временами попадалась пивная банка или пластиковый пакет: значит, тут до него были люди, хотя ему никто не встретился.

Он допил воду.

Он думал о том, ищут его или нет. Воображал полицейские машины, и вертолеты, и собак, и поисковые партии – и все они разыскивают его. Но он будет скрываться. Он доберется до моря.

Река текла по камням и плескалась. Он видел голубую цаплю, что парила над ним, расправив крылья, и редких осенних стрекоз, а иногда стайки мошек, ловивших последнее тепло бабьего лета. Синее небо сумеречно посерело, и мимо проскользнула летучая мышь, ловившая насекомых. Коротышка задумался, где будет спать ночью.

Тропинка раздвоилась, и он выбрал ту, что уводила от реки: может, она приведет его к дому или к ферме с пустым сараем. Сумерки все сгущались, а он все шел, и тропа вывела его к ферме, полуразвалившейся и неприветливой. Коротышка обошел ее по кругу и решил, что ни за какие коврижки внутрь не войдет. Он перелез через забор на заброшенное пастбище и улегся в высокой траве, положив под голову школьный рюкзак.

Он лежал на спине, совсем одетый, и смотрел в небо. Ему совершенно не хотелось спать.

– Наверное, они меня уже хватились, – сказал он себе. – И волнуются.

Он вообразил, как вернется домой через несколько лет. Как обрадуются родные, когда он подойдет к дому. Их радость. Их любовь...

Он проснулся через несколько часов от яркого лунного света. Он видел весь мир – ясный, как день, словно в детском стишке, только бесцветный и бледный. Прямо над ним висела полная луна или, может, почти полная, и он вообразил, будто на него смотрит лицо – вполне дружелюбное лицо, проступавшее в лунных тенях и очертаниях.

– Ты откуда? – спросил чей-то голос.

Мальчик сел в траве – ему не было страшно, еще не было – и осмотрелся. Деревья. Высокая трава.

– Где ты? Я тебя не вижу.

Под деревом на краю пастбища что-то шевельнулось – Коротышка поначалу решил, что тень, а потом разглядел мальчика, сверстника.

– Я убежал из дома, – сказал Коротышка.

– Ух ты, – ответил мальчик. – Ну ты смельчак.

Коротышка гордо улыбнулся. Он не знал, что сказать.

– Хочешь, пойдём погуляем? – предложил мальчик.

– Конечно, – сказал Коротышка. Он передвинул рюкзак поближе к столбу, чтобы потом отыскать.

Они пошли вниз по склону, стараясь не приближаться к старому фермерскому дому.

– Там кто-нибудь живет? – спросил Коротышка.

– Не совсем, – отозвался мальчик. У него были очень красивые светлые волосы, почти белые в свете луны. – Какие-то люди пытались тут поселиться, но им не понравилось, и они ушли. Потом появились другие. Но сейчас там никто не живет. Тебя как зовут?

– Дональд, – сказал Коротышка и добавил: – Но все называют Коротышкой. А тебя?

Мальчик замялся.

– Безвременно.

– Классное имя.

– У меня было другое, но его больше нельзя прочесть, – сказал Безвременно.

Они протиснулись в большие железные ворота, полуоткрытые и в таком виде проржавевшие, и оказались на лужке под склоном.

– Классно тут, – сказал Коротышка.

На лугу стояли сотни камней. Большие камни, выше мальчиков, и маленькие, на которые в самый раз присесть. Некоторые – в трещинах. Коротышка понял, что это за место, но не испугался. Тут была любовь.

– А кто здесь похоронен? – спросил он.

– В основном хорошие люди, – ответил Безвременно. – Тут раньше был город. Вон за теми деревьями. Потом построили железную дорогу, а станцию сделали в следующем городе, и тогда наш высох и разлетелся по ветру. Там теперь кусты и деревья вместо города. Можно прятаться за деревьями, заходить в старые дома и выскакивать.

Коротышка спросил:

– Они как тот фермерский дом? Эти дома?

Если они все такие, он туда не хочет.

– Нет, – сказал Безвременно. – Туда никто не ходит, только я. И звери иногда. Я тут один ребенок.

– Я понял, – сказал Коротышка.

– Может, пойдем туда и поиграем? – предложил Безвременно.

– Классно, пойдем.

Стояла волшебная октябрьская ночь: тепло, почти как летом, и полная луна в ясном небе. Все-все видно.

– Какая из них твоя? – спросил Коротышка.

Безвременно гордо выпрямился, взял Коротышку за руку и потянул в самый заросший угол. Мальчики раздвинули густую траву. Камень лежал на земле, и на нем были выбиты даты столетней давности. Почти все буквы стерлись, но под датами можно было разобрать слова:

БЕЗВРЕМЕННО УШЕДШЕМУ

НИКОГДА НЕ ЗА

– Я думаю, «не забудем», – сказал Безвременно.

– Да, я тоже так думаю, – сказал Коротышка.

Они вышли из ворот и спустились по склону оврага в руины бывшего города. Деревья росли прямо из домов, здания скукоживались, но тут не было страшно. Они играли в прятки. Они забирались в дома. Безвременно показал Коротышке классные места, например, домик из одной комнаты, – сказал, что это самая старая постройка в этих краях. И неплохо сохранилась, если учесть, сколько ей лет.

– Странно, мне при лунном свете хорошо видно, – сказал Коротышка. – Даже внутри. Я и не думал, что это так просто.

– Да, – ответил Безвременно. – А потом начинаешь все видеть и вообще без света.

Коротышке стало завидно.

– Мне нужно в туалет, – сказал он. – Есть тут что-нибудь такое?

Безвременно на секунду задумался.

– Не знаю, – признался он. – Мне-то уже не нужно. Несколько туалетов осталось, но там может быть небезопасно. Лучше в лес.

– Буду, как медведь, – сказал Коротышка.

Он пошел в лес за стеной ближайшего коттеджа и присел за дерево. Он никогда не ходил в туалет на улице. Как будто дикий зверь. Закончив, он подтерся палыми листьями. Потом вернулся к дому. Безвременно сидел в пятне лунного света и ждал.

– От чего ты умер? – спросил Коротышка.

– Я заболел, – ответил Безвременно. – Мама плакала и говорила злые слова. А потом я умер.

– Если бы я захотел остаться тут с тобой, – сказал Коротышка, – мне бы тоже пришлось умереть?

– Может быть, – ответил Безвременно. – Да, наверное.

– И как это? Быть мертвым?

– Да, в общем, ничего, – сказал Безвременно. – Хуже всего, что не с кем играть.

- Но там же полно людей, - сказал Коротышка. - Они что, с тобой не играют?

- Нет, - вздохнул Безвременно. - Они почти все время спят. А если вылезают, не хотят никуда ходить, ни на что смотреть, ничего делать не хотят. И мной заниматься не хотят. Видишь то дерево?

Это был бук, гладкий серый ствол потрескался от времени. Он стоял там, где раньше, девяносто лет назад, наверное, была главная площадь города.

- Да, - сказал Коротышка.

- Хочешь залезть?

- Ну, оно высокое такое...

- Очень высокое. Но залезть проще простого. Я покажу.

Оказалось проще простого. Из трещин получились удобные уступы, и мальчики вскарабкались, как две обезьянки, или два пирата, или два воина. С вершины им был виден весь мир. Небо на востоке уже на волосок посветлело.

Все застыло в ожидании. Ночь подходила к концу. Мир затаил дыхание, готовясь начаться вновь.

- Это был лучший день в моей жизни, - сказал Коротышка.

- И в моей тоже, - сказал Безвременно. - Что будешь делать дальше?

- Не знаю, - сказал Коротышка.

Он представил себе, как станет путешествовать по миру, до самого моря. Представил, как вырастет и повзрослеет, как добьется всего сам. Где-то там, по пути, невероятно разбогатеет. И тогда он вернется в свой дом, где живут близнецы, и подъедет к двери на шикарной машине или, может, пойдет на футбол (в его воображении близнецы не повзрослели) и посмотрит на них - по-доброму. Он сводит их - близнецов и родителей, - в лучший ресторан, и они скажут, как они его не понимали и как дурно с ним обращались. Они извинятся и

заплачут, а он будет молчать. Их извинения захлестнут его с головой. А потом он вручит каждому подарок и снова уйдет из их жизни, на этот раз – навсегда.

Великолепная мечта.

Он знал, что на самом деле пойдет дальше, а завтра или послезавтра его найдут и вернут домой, там на него наорут, и все останется по-прежнему, как всегда, и день за днем, час за часом он будет все тем же Коротышкой, только на него будут злиться за то, что он посмел сбежать.

– Мне уже спать скоро, – сказал Безвременно и полез вниз.

Выяснилось, что спускаться сложнее. Не видно, куда ставить ноги, и приходится искать опору на ощупь. Несколько раз Коротышка соскальзывал, но Безвременно слезал перед ним и говорил ему, например: «Теперь чуть вправо», – так что они оба спустились нормально.

Небо светлело, бледнела луна, и было хуже видно. Они снова перебрались через овраг. Иногда Коротышка не понимал, здесь ли Безвременно, но, когда вылез, увидел, что тот его ждет.

Обратно к лугу, уставленному камнями, они шли молча. Коротышка положил руку на плечо Безвременно, и они шагали в ногу вверх по склону.

– Ну, – сказал Безвременно, – спасибо, что зашел.

– Весело было, – сказал Коротышка.

– Да, – кивнул Безвременно. – Мне тоже.

Где-то в лесу запела птица.

– А если бы я захотел остаться?.. – вырвалось у Коротышки. Потом он замолчал. «У меня не будет другой возможности все изменить», – подумал Коротышка. Он никогда не доберется к морю. Они ему не дадут.

Безвременно молчал долго-долго. Мир посерел. Голосило все больше птиц.

– Я не могу это сделать, – наконец сказал Безвременно. – Но они, наверное, могут.

– Кто?

– Те, кто там. – Белокурый мальчик показал на разрушенный фермерский дом с зазубренными разбитыми окнами, что сгущался в рассветной мгле. Серый свет его совсем не изменил.

Коротышка вздрогнул.

– Там есть люди? Ты же сказал, что там пусто.

– Там не пусто, – сказал Безвременно. – Я сказал, там никто не живет. Это разные вещи. – Он посмотрел в небо. – Мне пора. – Он сжал Коротышке руку. А через секунду его больше не было.

Коротышка стоял один посреди маленького кладбища и слушал утреннее пение птиц. Затем поднялся на холм. Одному было сложнее.

Он забрал свой рюкзак там, где его оставил. Съел последний «Милки Вэй» и посмотрел на разрушенное здание. Слепые окна фермерского дома будто наблюдали за ним.

И внутри было темнее. С ума сойти как темно.

Он пробрался через заросший двор. Дверь почти совсем рассыпалась. Он застыл на пороге, задумался, правильно ли поступает. Пахло гнилью, сырой землей и чем-то еще. Кажется, он расслышал, как в глубине дома кто-то ходит – может, в подвале или на чердаке. Вроде бы шаркает. Или скачет. Не поймешь.

В конце концов он вошел.

Никто не произнес ни слова. Октябрь наполнил деревянную кружку сидром, одним глотком ее осушил и налил еще.

– Вот это история, – сказал Декабрь. – Вот это я понимаю. – Он потер кулаком бледно-голубые глаза. Костер почти догорел.

– А что было дальше? – взволнованно спросила Июнь. – Когда он вошел?

Май, сидевшая рядом, положила руку ей на плечо.

– Лучше об этом не думать, – сказала она.

– Кто-нибудь еще будет рассказывать? – спросил Август. Все промолчали. – Тогда, думается, мы закончили.

– Надо проголосовать, – напомнил Февраль.

– Кто за? – спросил Октябрь. Раздалось дружное «я». – Кто против? – Тишина. – Тогда объявляю собрание законченным.

Они поднялись на ноги, потягиваясь и зевая, и пошли в лес, поодиночке, парами или по трое, и наконец на поляне остались только Октябрь и его сосед.

– В следующий раз председательствуешь ты, – сказал Октябрь.

– Я знаю, – отозвался Ноябрь. Он был бледен и тонкогуб. Он помог Октябрю выбраться из деревянного кресла. – Мне нравятся твои истории. Мои всегда слишком мрачные.

– Вовсе не мрачные, – сказал Октябрь. – Просто у тебя ночи длиннее. И ты холоднее.

– Ну, если так подойти, – усмехнулся Ноябрь, – может, все не так плохо. Какой есть, такой и есть, ничего не поделаешь.

– Вот и молодец, – ответил его брат. Они взяли за руки и ушли от оранжевых углей костра, унося свои истории назад в темноту.

Тайная комната

The Hidden Chamber. © Перевод Н. Эристави, 2007.

Призраков этого дома ты не страшись.

Они

Хлопот тебе не доставят. Мне, например,
весьма приятно присутствие тихое духов —

Шорохи, скрипы, шаги в тишине ночной,

Спрятанные иль передвинутые вещички

Меня забавляют, а уж никак не пугают.

Призраки дому стать помогают уютным

И обитаемым, —

Ведь, кроме духов, никто

здесь не живет подолгу.

Ни кошек, ни мышек. Нет даже летучих мышей.

Нет даже снов... Вот, помню, дня два назад

Видел я бабочку - кажется, павлиноглазку, —

По дому она порхала в танцующем ритме

Или на стены садилась, словно меня поджидая.

Но в этом тихом, пустом месте

Нет даже цветов —

И, испугавшись, что чуду живому

Нечего будет есть,

Я распахнул окно,
Бережно взял в ладони павлиноглазку
(Ощутил мимолетно щекотку ее
трепетавших крыльев)
И отпустил ее, – а после долго глядел,
Как прочь она улетает.

Мне с временами года здесь управляться трудно,

Однако приезд твой

Холод зимы растопил немного.

Пройдись – умоляю! – по дому. Исследуй его
закоулки!

Знаешь ли, я подустал немного от древних
традиций,

И ежели в доме

И есть тайная комната, запертая на ключ,

Ты ее не заметишь.

Ты не увидишь в камине на чердаке

Ни опаленных волос, ни костей обгорелых.

И крови, конечно, ты не увидишь тоже.

Заметь – там хранится лишь инвентарь садовый,

Стоят машина стиральная рядом с доской
гладильной

Да старенький нагреватель. Ну, и еще там

Связка ключей висит на стене.

Нет ничего такого. Забудь тревоги!

Возможно, я мрачен, – но разве не был бы мрачен

Всякий мужчина в годах, что пережил столько бед?

Злая судьба?

Глупость?

Или страдание?

Какая разница – суть тут в боли утраты.

Взгляни получше – увидишь в моих глазах

Покой разбитого сердца и горечь надежды

забвенья.

Заставишь ли, дорогая, меня позабыть обо всем,

Что было со мною,

покуда в двери этого дома

Ты бабочкой не впорхнула,

Пока улыбкой своею и взором своим

В мою суровую зиму не принесла свет летний?

Но ныне ты здесь, – и, наверно, услышишь

Докучливых призраков шепот, – всегда за стеною,

Всегда

Не в этой комнате, а в соседней.

Наверно, проснувшись рядом со мною в ночи,

Поймешь ты однажды,

что где-то рядом есть комната без дверей,

Комната, запертая навеки.

Где-то – но ведь не здесь же?

Это всего лишь духи

Стонут и бродят, бормочут и тихо стенают...

Может тебе достанет отваги

Бежать из этого дома в ночную мглу,

Мчаться сквозь зимний холод

В одной кружевной сорочке?

Острый гравий дорожек садовых

Нежные ноги твои до крови изранит —

Если бы я захотел, – пошел бы по следу,

Собирая губами крови твоей

И слез твоих горьких капли...

Но, право, – к чему? Уж лучше я здесь подожду,

Ведь здесь так спокойно и тихо.

А на окно я, пожалуй, свечу поставлю,

Чтоб по пути домой,

любовь моя,

Ты с дороги не сбилась.

Видишь, как жизнь трепещет?

Точь-в-точь мотылек ночной!

И я постараюсь

Запомнить тебя такую —

Склоняясь головою на снежную грудь твою,

Слушая стук твоего сердца

в тайной комнате плоти...

Запретные невесты безликих рабов в потайном доме ночи пугающей страсти

Forbidden Brides of the Faceless Slaves in the Secret House of the Night of Dread Desire. © Перевод Т. Покидаевой, 2007.

I

Где-то в ночи кто-то пишет.

II

Она бежала – слепо, безумно – по аллее под сенью деревьев, и гравий скрипел у нее под ногами. Сердце бешено колотилось, легкие словно вот-вот взорвутся, не в силах вдыхать стылый воздух студеной ночи. Ее взгляд был прикован к дому в конце аллеи, свет в окне наверху манил ее, точно пламя свечи – мотылька. В небе и в глубинах черного леса за домом ухали и крокотали ночные твари. За спиной раздался пронзительный вскрик – она понадеялась, что это мелкий лесной зверек стал добычей голодного хищника, но кто его знает.

Она бежала, как будто за ней по пятам мчались адские легионы, и ни разу не оглянулась, пока не взлетела на крыльцо старого особняка. В бледном свете луны белая колоннада казалась иссохшим скелетом громадного зверя. Она вцепилась в дверную раму, жадно ловя ртом воздух, напряженно вглядываясь в длинную темную аллею, словно ждала чего-то, а потом постучалась, сперва робко, потом настойчивее. Стук отдался гулким эхом в глубинах дома. Услышав эхо, вернувшееся к двери с той стороны, она представила, как там, далеко-далеко, кто-то стучится в другую дверь, приглушенно и мертво.

– Прошу вас! – закричала она. – Если тут кто-то есть... кто-нибудь... откройте. Впустите меня, умоляю. Заклинаю вас. – Она не узнавала собственный голос.

Мерцающий свет в окне наверху потускнел, исчез и вновь появился – в окне этажом ниже, потом еще ниже. Один человек, со свечой. Свет растворился во мраке дома. Она затаила дыхание. Казалось, прошла целая вечность, пока из-за двери не донеслись шаги и сквозь щель под порогом не выполз осколок света.

– Откройте, – прошептала она.

Голос, раздавшись, оказался сухим, точно старая кость, – иссохший голос, источающий запах хрустящих пергаментов и заплесневелых венков на могилах.

– Кто там? – сказал голос. – Кто стучит? Кто пришел в эту ночь всех ночей?

Он не принес утешения. Она вгляделась в ночь, объявшую дом, потом выпрямилась, откинула с лица черные локоны и сказала, надеясь, что ее голос не выдает страха:

– Это я, Амелия Эрншоу, с недавних пор сирота, коя ныне поступает на службу гувернанткой к двум детям, сыну и дочке лорда Фолкенмера, чьи жестокие взгляды во время нашего собеседования в его лондонской резиденции вызвали у меня отвращение и одновременно очаровали и чье орлиное лицо с того дня преследует меня в сновидениях.

– И что же вы делаете здесь, у этого дома, в эту ночь всех ночей? Замок Фолкенмера находится в добрых двадцати лигах отсюда, по ту сторону торфяных топей.

– Кучер... гадкий, злой человек и вдобавок немой, или же он притворялся немой, потому что не произнес ни единого слова и выражал свои пожелания только мычанием и хрипом... он проехал не больше мили по этой дороге, а затем показал мне жестами, что дальше не поедет и мне надо высаживаться. Я отказалась, и он грубо вытолкнул меня из кареты прямо на холодную землю, а сам развернулся и поехал обратно, настегивая обезумевших лошадей, а в карете остались мои саквояжи и чемодан. Я кричала, звала его, но он не вернулся, а мне показалось, что во тьме леса шевельнулась тьма еще гуще. Я увидела свет в вашем окне и... и... – Она долее не могла притворяться храброй и разрыдалась.

- Ваш отец, - сказал голос за дверью, - уж не достопочтенный ли Хьюберт Эрншоу?

Амелия проглотила слезы.

- Да, это он.

- И вы... вы сказали, что вы сирота?

Она вспомнила отцовский твидовый пиджак, водоворот, что подхватил отца и швырнул прямо на камни, унеся прочь от нее - навсегда.

- Он умер, пытаясь спасти мамину жизнь. Они оба утонули.

Она услышала глухой скрежет - это ключ провернулся в замке, потом дважды лязгнули железные засовы.

- В таком случае добро пожаловать, мисс Амелия Эрншоу. Добро пожаловать в ваши наследственные владения, в этот дом, лишенный имени. Добро пожаловать - в эту ночь всех ночей. - И дверь распахнулась.

На пороге стоял человек с черной свечою; дрожащее пламя освещало его лицо снизу, отчего оно казалось нездешним и жутким. Он похож на оживший тыквенный фонарь, подумала Амелия, или на престарелого палача.

Он жестом пригласил ее войти.

- Почему вы все время это повторяете? - спросила она.

- Что я повторяю?

- «В эту ночь всех ночей». Вы повторили это уже трижды.

Он лишь молча взглянул на нее. Потом опять поманил - пальцем цвета иссохшей кости. Она вошла, и он поднес свечу к ее лицу, оглядел, и глаза его были не то чтобы поистине безумны, но все же далеки от здравомыслия. Он посмотрел

испытующе, тихо хмыкнул и кивнул.

- Сюда, - только и сказал он.

Она пошла за ним по длинному коридору. Мрак, бегущий от пламени свечи, ложился на стены причудливыми тенями, и в пляшущем свете напольные часы, и худосочные стулья, и стол будто подпрыгивали и пританцовывали. Старик долго перебирал ключи в связке, а потом отпер дверь в стене под лестницей. Из темноты за порогом дохнуло плесенью, пылью, заброшенностью.

- Куда мы идем? - спросила Амелия.

Он кивнул, как будто не понял вопроса. А потом сказал:

- Есть те, кто таков, каков есть. А есть те, кто не таков, каким кажется. И есть еще те, кто лишь кажется таким, каким кажется. Запомни мои слова, хорошенько запомни, дочь Хьюберта Эрншоу. Ты меня понимаешь?

Она покачала головой. Он двинулся вперед, не оглядываясь.

Она пошла вниз по лестнице за стариком.

III

Где-то там, далеко-далеко, молодой человек бросил перо на непросохшую страницу рукописи, разбрызгав чернила по стопке бумаги и полированному столу.

- Никуда не годится, - уныло сказал он, изящным пальцем тронул каплю чернил на столе, размазал ее по тиковой столешнице, а потом тем же пальцем беспamięтно потер переносицу. На носу осталось темное пятно.

- Не годится, сэръ? - Дворецкий вошел почти неслышно.

- Опять то же самое, Тумз. Вкрадывается юмор. Из-за каждого угла шепчет самопародия. Я ловлю себя на том, что насмехаюсь над литературными

традициями и высмеиваю равно себя и бумагомарательское ремесло.

Дворецкий смотрел не моргая на молодого хозяина.

– Насколько я знаю, сэр, юмор высоко ценится в определенных кругах.

Молодой человек ткнулся лбом в ладони и задумчиво почесал лоб.

– Дело не в этом, Тумз. Я пытаюсь создать фрагмент подлинной жизни, точное подобие мира, какой он есть, передать состояние души. А вместо этого у меня получается ученическая пародия на изъяны моих собратьев-писателей. Я отпускаю шуточки. – Он размазал чернила по всему лицу. – И не самые удачные.

Из запретной комнаты наверху донесся зловещий надрывный вой, прокатившийся эхом по дому. Молодой человек вздохнул.

– Пора кормить тетю Агату, Тумз.

– Слушаюсь, сэр.

Молодой человек взял перо и кончиком лениво почесал ухо.

У него за спиной в тусклом свете висел портрет его прапрадеда. Нарисованные глаза были давным-давно вырезаны, и теперь с холста на писателя взирали живые. Они мерцали рыжеватым золотом. Если бы молодой человек обернулся, он отметил бы, что это глаза большой кошки или уродливой хищной птицы, если такое возможно. У людей таких глаз не бывает. Но молодой человек и не взглянул на портрет. Вместо этого он рассеянно потянулся за новым листом, окунул перо в стеклянную чернильницу и начал писать:

IV

– Да, – произнес старик, ставя черную свечу на безмолвный клавесин. – Он – наш хозяин, и все мы – его рабы, хоть и притворяемся, будто это не так. Но в надлежащее время он требует то, чего страстно желает, и наш долг – предоставить ему... – Он содрогнулся и вздохнул. А потом сказал только: – Все,

что нужно.

Гроза приближалась, и в пустых оконных переплетах крыльями летучих мышей дрожали и бились тяжелые шторы. Амелия прижала к груди кружевной платок с отцовской монограммой.

– А ворота? – прошептала она.

– Они были заперты еще при вашем предке, и до того как исчезнуть, он распорядился, чтобы так было всегда. Но, люди говорят, до сих пор остались тоннели, соединяющие старый склеп с новым кладбищем.

– А первая жена сэра Фредерика?..

Старик печально покачал головой:

– Безнадёжно душевнобольная и притом весьма посредственная музыкантша, терзающая клавесин. Он распустил слух, что она умерла, и кто-то, быть может, ему и поверил.

Амелия повторила про себя последние шесть слов. Взглянула на старика, и теперь в ее взгляде читалась решимость.

– А я? Теперь, когда я узнала, зачем пришла в этот дом, что вы мне посоветуете? Что мне делать?

Старик оглядел пустой зал. Потом настойчиво проговорил:

– Бегите отсюда, мисс Эрншоу. Бегите, пока еще можно. Ради спасения вашей жизни, ради вашей бессмертной ааа...

– Ради чего? – не поняла Амелия, но едва слова сорвались с ее алых губ, старик упал замертво. У него из затылка торчала серебряная арбалетная стрела. – Он мертв, – в потрясении выдохнула она.

– Да, девочка, мертв, – подтвердил жестокий голос из дальнего угла. – Но он умер еще прежде. Мне представляется, он мертв уже очень давно.

Амелия смотрела в немом изумлении, как тело принялось разлагаться. Плоть текла, гнила и разжижалась, кости крошились и осыпались пылью, и вскоре там, где лежал человек, осталась только лужа зловония.

Амелия присела на корточки и окунула палец в отвратительную жижу. Потом облизала его и сморщилась.

– Да, сэ, похоже, вы правы, кем бы вы ни были, – сказала она. – Я бы сказала, что он мертв лет сто.

V

– Я очень стараюсь, – сообщил молодой человек горничной, – написать книгу, которая отразит подлинную жизнь, как зеркало, до мельчайшей детали. Но у меня получается развязная и грязная насмешка. Что мне делать? А, Этель? Что мне делать?

– Не знаю, сэ, – отозвалась горничная, которая была молода и красива и появилась в имении при загадочных обстоятельствах чуть меньше месяца назад. Она раздула мехи, и огонь в камине вспыхнул оранжево-белым жаром. – Что-нибудь еще?

– Нет. Да. Нет. Можешь идти, Этель.

Девушка подхватила опустевшую корзину для угля и неторопливо зашагала к двери.

Молодой человек не вернулся за письменный стол; он застыл в задумчивости у камина, созерцая человеческий череп на каминной полке и два скрещенных меча на стене. Кусок угля в огне распался надвое, трещина и плюясь искрами.

Шаги за спиной. Молодой человек обернулся.

– Ты?

Человек был почти его двойником – белая прядь в золотисто-каштановых волосах неопровержимо доказывала родство, если были нужны доказательства. Глаза прибывшего были темны и дики, губы – капризны, но странно тверды.

– Да – это я! Твой старший брат, которого ты столько лет считал мертвым. Но я не мертвый... или, возможно, уже не мертвый... я вернулся... да, я вернулся с дороги, по которой не стоит ходить, – дабы потребовать то, что по праву мое.

Молодой человек удивленно приподнял бровь.

– Ясно. Ну, вполне очевидно, что все здесь – твое. Если ты в состоянии доказать, что ты тот, кем назвался.

– Доказать? Мне не нужны доказательства. Я требую то, что принадлежит мне по праву рождения, по праву крови – и по праву смерти! – С этими словами он снял со стены два меча и протянул один, рукоятью вперед, младшему брату. – Защищайся, брат мой... и пусть победит сильнейший.

Сталь сверкнула в свете от камина, клинки слились в поцелуе, столкнулись и снова поцеловались в замысловатом танце ударов и рипостов. Временами казалось, что это всего лишь изысканный менуэт или размеренный ритуал, временами – что это свирепая схватка, первозданная дикость, жестокость, что движется быстрее взгляда. Они все кружили и кружили по комнате, и вверх по лестнице в мезонин, и вниз, в главный зал. Они раскачивались на портьерах и тяжелых люстрах. Они запрыгивали на столы.

Старший брат был искуснее и опытнее и, вероятно, владел мечом лучше, зато младший был посвежее и дрался как одержимый, тесня противника к ревущему пламени в камине. Старший левой рукою схватил кочергу. Широко замахнулся ею на младшего, но тот уклонился и одним изящным движением проткнул старшего брата насквозь.

– Со мною покончено. Я мертвец.

Младший брат склонил чернильное лицо:

– Может быть, так даже лучше. Вообще-то мне не нужны были ни особняк, ни земля. Я хотел только покоя.

Старший лежал на полу у камина, и алая кровь вытекала из раны на серый камень.

– Брат? Дай мне руку.

Молодой человек встал на колени и сжал руку брата, что как будто уже холодела.

– Прежде чем я уйду в эту ночь, куда никто за мной не последует, я должен сказать тебе несколько важных вещей. Во-первых, я поистине верю, что смерть моя снимет проклятие с нашего рода. Во-вторых... – Его дыхание вырывалось из горла клопочущим хрипом, и ему было трудно говорить. – Во-вторых... эта тварь... в бездне... остерегайся подвалов... и погребов... крысы... это... оно подступает!

Его голова опустилась на камень, глаза закатились и больше не видели ничего.

Где-то снаружи трижды прокаркал ворон. В доме же странная музыка взвилась из склепа: для кого-то поминки уже начались.

Младший брат – снова, надеялся он, единственный и законный обладатель титула – взял колокольчик и позвонил, вызывая слугу. Звон еще не затих, а на пороге уже возник дворецкий Тумз.

– Убери тело, – сказал молодой человек. – Но отнесись к нему с почтением. Он умер во искупление своих грехов. Быть может, наших общих грехов.

Тумз ничего не сказал, лишь кивнул, дав понять, что все уразумел.

Молодой человек вышел из комнаты. Он пошел в Зеркальный зал, где все зеркала давно были убраны и на стенах остались большие пятна неправильной формы; полагая себя в одиночестве, молодой человек принялся размышлять вслух:

– Вот об этом я и говорил. Если бы нечто подобное случилось в моем рассказе – а такое случается постоянно, – я бы поневоле насмеялся без жалости. – Он ударил кулаком в стену, где когда-то висело шестиугольное зеркало. – Что со мной такое? Откуда во мне эта порча?

Странные беспокойные твари что-то бессвязно бормотали в черных портьерах по углах, и за деревянной обшивкой стен, и в сумрачных дубовых балках под потолком, но не давали ответа. Впрочем, он и не ждал.

Он поднялся по парадной лестнице, прошел по темному коридору к себе в кабинет. Кто-то, подозревал он, рылся в его бумагах. И, подозревал он, сегодня ближе к полуночи, после Собрания, выяснится, кто это был.

Он сел за стол, вновь окунул перо в чернильницу и продолжил писать.

VI

Снаружи, мучаясь голодом и недовольством, выли лорды-вампиры – они бросались на дверь в ненасытной ярости, но запоры были прочны, и Амелия надеялась, что они выдержат.

Что сказал ей лесоруб? Ныне, в час нужды, его слова всплыли в памяти как наяву, – будто он стоял рядом, его мужественное тело в нескольких дюймах от ее женственных изгибов, запах честного трудового пота обвевал ее, словно аромат пряных духов, и она слышала его слова, будто он шептал ей на ухо: «Я не всегда был простым лесорубом, барышня, – сказал он. – Когда-то у меня было другое имя и другая судьба, не имевшая ничего общего с рубкой деревьев. Однако знай... в секретере есть потайное отделение... по крайней мере, так говорил мой двоюродный дед, когда напивался не в меру...»

Секретер! Ну конечно!

Амелия бросилась к секретеру. Поначалу она не находила никаких потайных отделений. Она принялась выдвигать ящики и тогда обнаружила, что один намного короче остальных. Амелия просунула тонкую руку в пустоту, где раньше был ящик, нащупала кнопку и яростно на нее надавила. Что-то щелкнуло, и в ладонь Амелии упал туго свернутый свиток.

Он был перевязан черной лентой, посеревшей от пыли; дрожащими пальцами Амелия развязала узел и развернула пергамент. Она читала, с трудом разбирая старинный почерк, древние слова. Ее прекрасное лицо мертвенно побледнело, и даже ее фиалковые глаза затуманились ужасом.

Грохот и скрежет становились все громче. Амелия не сомневалась, что дверь долго не выдержит. Ни одна дверь не удержит их вечно. Они ворвутся сюда, и она станет им добычей. Если только... если только...

– Прекратите! – закричала она, и ее голос дрогнул. – Я отрекаюсь от вас, ото всех, и прежде всего – от тебя, Князь Мертвечины. Именем древнего договора между твоим народом и моим.

Шум прекратился. В наступившей тишине Амелия слышала ошеломление. А потом раздался надтреснутый голос:

– Договор?

И еще с дюжину голосов, по-прежнему жутких, зашептали нестройным хором:

– Договор, договор, – неземным шелестом.

– Да! – выкрикнула Амелия Эрншоу, и теперь ее голос был тверд. – Договор.

Ибо свиток, столько лет скрытый от мира, был страшным договором, заключенным в незапамятные времена между Владельцами Дома и обитателями склепа. В нем были исчислены и описаны все кошмарные ритуалы, соединившие два клана в веках, – обряды крови, и соли, и еще многого сверх того.

– Если ты прочла договор, – молвил глухой голос из-за двери, – ты знаешь, зачем мы пришли, дочь Хьюберта Эрншоу.

– Вы пришли за невестами, – просто сказала она.

– Да, за невестами! – прошелестело с той стороны. – За невестами, за невестами! – Шепот все нарастал, растекался призрачным эхом, и уже, казалось,

весь дом содрогается в ритме этих слов, бьющихся пульсом тоски, и любви, и голода.

Амелия закусила губу.

– Хорошо. Невесты. Я приведу вам невест. У вас будут невесты, у всех.

Она говорила тихо, но они услышали, ибо за дверью вновь воцарилось безмолвие – глубокая, бархатная тишина.

А потом призрачный голос прошипел:

– А может, попросим еще на гарнир этих рогаликов? Как вы считаете, она не откажет?

VII

Горячие слезы жгли глаза. Молодой человек отодвинул исписанный лист и швырнул перо в стену. Чернила темными брызгами полетели на белый бюст прапрапрадеда, бурые капли оросили долготерпеливый мрамор. Огромный печальный ворон, сидевший на мраморной голове, испуганно встрепенулся, едва не упал, но помахал крыльями и все-таки удержался. Потом неуклюже заплясал с лапы на лапу, черным глазом-бусиной уставившись на молодого человека.

– Это невыносимо! – воскликнул молодой человек. Он был бледен, его била дрожь. – Я не могу. Никогда не смогу. Клянусь... э... – Он замешкался, перебирая в уме подходящие к случаю проклятия и клятвы из обширных семейных архивов.

Ворона это явно не впечатлило.

– Прежде чем начнешь клясться, и проклинать, и, быть может, поднимать из могил мирно усопших почтенных предков, заслуживших свой вечный покой, ответь мне на один вопрос. – Голос ворона походил на стук камня о камень.

Некоторое время молодой человек молчал. Всем известно, что вороны разговаривают, но этот ворон не разговаривал еще ни разу, и никто от него

подобной выходки не ожидал.

– Разумеется. Задавай свой вопрос.

Ворон склонил голову набок.

– Тебе нравится это писать?

– Нравится?

– Это твое отражение жизни. Иногда я заглядываю тебе через плечо. Тебе нравится это писать?

Молодой человек воззрился на птицу.

– Это литература, – объяснил он, словно беседовал с ребенком. – Настоящая литература. Настоящая жизнь. Подлинный мир. Задача писателя – показать людям мир, в котором они живут. Мы держим для них зеркала.

Молния расколола ночное небо. Молодой человек выглянул в окно: в рваной вспышке ослепительного пламени костистые деревья и руины аббатства на холме предстали искореженными и зловещими силуэтами.

Ворон прочистил горло.

– Я спрашиваю, тебе нравится это писать?

Молодой человек посмотрел на птицу, потом отвел взгляд и молча покачал головой.

– Вот поэтому ты все и кромсаешь, – сказал ворон. – Когда ты высмеиваешь избитые фразы и серые будни, в тебе говорит не сатирик. Тебе просто скучно. Понимаешь? – Ворон помедлил, клювом поправляя встопорщенное перо. Затем вновь взглянул на молодого человека: – А ты никогда не задумывался... может, стоит писать фэнтези?

Молодой человек рассмеялся:

– Фэнтези? Слушай, я пишу настоящие книги. Настоящую литературу. Фэнтези – это не жизнь. Эзотерические выдумки, которые меньшинство пишет для меньшинства, это...

– Это то, что ты стал бы писать, если бы понимал, что для тебя хорошо, а что плохо.

– Я приверженец классической школы, – сказал молодой человек и указал на книжную полку с образцами бессмертной классики. «Удольфские тайны», «Замок Отранто», «Рукопись, найденная в Сарагосе», «Монах» и так далее. – Это литература.

– Никогда, – сказал ворон. Отныне и впредь молодой человек не слышал от него ни единого слова. Ворон сорвался с бюста, расправил крылья и вылетел из кабинета в темноту, что ждала за распахнутой дверью.

Молодой человек зябко повел плечами. Потом перебрал в уме стандартные темы фэнтези: автомобили, игра на бирже, сезонные транспортные билеты, домохозяйки и полицейские, советы психологов и реклама моющих средств, подоходный налог, дешевые рестораны, глянцевые журналы, кредитные карточки, уличные фонари и компьютеры...

– Да, чистой воды эскапизм, – сказал он вслух. – Но не это ли главное стремление человека – порыв к свободе, тяга избежать обыденности?

Молодой человек вернулся к столу, собрал страницы незаконченного романа и бесцеремонно уронил в нижний ящик, к пожелтевшим старинным картам, таинственным завещаниям и документам, подписанным кровью. Пыль взметнулась потревоженным облаком, молодой человек закашлялся.

Он взял новое перо, заострил перочинным ножом. Пять умелых ударов – и у него имеется стило. Он окунул кончик пера в чернильницу. И снова начал писать:

Амелия Эрншоу поместила два ломтика хлеба с отрубями в тостер и толкнула их вниз. Таймер настроила на «сильно поджаристый», как любит Джордж. Сама Амелия любила чуть подрумяненные тосты. И ей больше нравился белый хлеб, пусть в нем и нет витаминов. Она уже лет десять не ела белого хлеба.

Джордж сидел за столом и читал газету. Он даже не посмотрел на Амелию. Он никогда на нее не смотрит.

«Я его ненавижу, – подумала она, и это простое превращение эмоций в слова несказанно ее удивило. – Я его ненавижу. – Звучало, как песня. – Я ненавижу его за поджаристые тосты, за лысину, за то, что он домогается девушек в офисе, молоденьких девочек, только-только из школы, они смеются над ним у него за спиной, – и за то, что он не замечает меня, когда не хочет, чтобы я ему докучала, и за то, как он говорит: «Что, дорогая?», когда я задаю простой вопрос, как будто он давным-давно забыл мое имя. Как будто он забыл, что у меня вообще есть имя».

– Тебе яйца всмятку или вкрутую? – спросила она.

– Что, дорогая?

Джордж Эрншоу был нежно привязан к жене – он бы искренне удивился, если бы узнал, что Амелия его ненавидит. Он относился к ней так же – и с тем же эмоциональным зарядом, – как ко всему, что имелось в доме уже десять лет и по-прежнему исправно работало. Например, телевизор. Или газонокосилка. Он думал, что это любовь.

– Знаешь, нам все-таки надо сходить на какую-нибудь демонстрацию. – Он постучал пальцем по газетному развороту. – Показать, что нам не все равно. А, дорогая?

Тостер пискнул, сообщая, что тосты готовы. Однако наружу выскочил только один поджаристый ломтик. Амелия взяла нож и достала второй, поломавшийся. Тостер им подарил на свадьбу ее дядя Джек. Скоро придется покупать новый – или жарить тосты на гриле, как делала мама.

– Джордж? Тебе яйца всмятку или вкрутую? – спросила Амелия очень тихо, и что-то в ее голосе заставило Джорджа оторваться от газеты.

– Как тебе больше нравится, дорогая, – ласково ответил он и так и не понял – о чем потом сообщил всем и каждому на работе, – почему она застыла с тостом в руке и почему вдруг расплакалась.

IX

Перо выводило скрип-скрип по бумаге, молодой человек погрузился в работу. Глаза горели, по лицу шныряла довольная улыбка.

Он был в восторге.

Странные твари скреблись и шуршали в стенной обшивке, но он их не слышал.

В чердачной комнате выла, стенала и гремела цепями тетя Агата. Потусторонний хохот летел сквозь ночь из руин аббатства: разрывал темноту, вздымался волнами маниакального веселья. В темном лесу за домом метались нескладные бесформенные существа, и в ночи от них в страхе бежали молодые женщины с волосами цвета воронова крыла.

– Поклянись! – сказал Тумз, дворецкий, обращаясь к смелой девчонке, что выдавала себя за горничную. – Поклянись мне, Этель, поклянись жизнью своей, что не расскажешь о том, что я тебе поведаю, ни единой живой душе...

В окнах маячили лица и слова, начертанные кровью; одинокий вампир в глубинах склепа навис над чем-то, прежде, вероятно, живым; молния вспорола чернейшую ночь мимолетным изломом света; безликие твари бродили по миру; все шло как должно.

Песчинки воспоминаний

The Flints of Memory Lane. © Перевод Н. Гордеевой, 2007.

Я люблю, чтобы из всего получалась история.

Однако из реальности истории выходят редко, и вторжения странности в реальность тоже в истории не складываются. У них не бывает пристойного финала. Описывать странное – это как рассказывать сны: можно пересказать, что происходило во сне, но попробуй словами передать эмоцию и то, как сон окрашивает потом целый день.

В детстве я верил, что есть места, где водятся призраки, – заброшенные дома и безлюдные пустыри, которые сильно меня пугали. Я решил их избегать, и потому, когда мои сестры рассказывали вполне убедительные истории о странных фигурах, мелькавших в окнах пустых домов, мне было нечего сообщить о призраках. И по сей день нечего.

Вот моя история о призраках, причем совершенно неубедительная.

Мне было пятнадцать.

Мы жили в новом доме, построенном в саду старого. Я по-прежнему скучал по прежнему дому – большому старинному особняку. Наша семья занимала полдома. Соседи продали свою половину застройщикам – ну, и отец продал нашу.

Это было в Суссексе, в городе, через который проходит нулевой меридиан: я жил в Восточном полушарии, а школа была в Западном.

Старый дом был хранилищем странных вещей: кусков блестящего мрамора и стеклянных шариков с жидкой ртутью, дверей, за которыми были кирпичные стены; загадочных игрушек; старых вещей и вещей позабытых.

Говорят, в моем доме – викторианской кирпичной громадине посреди Америки – водятся призраки. Немногие решаются в одиночестве там заночевать – моя помощница рассказывала, как это было с ней: о фарфоровой музыкальной шкатулке, что принималась играть среди ночи, о явственном ощущении, будто за тобой наблюдают. И другие, если ночевали там одни, говорили что-то похожее.

Со мной таких неприятностей в доме не приключалось, но с другой стороны, я никогда не ночевал в нем один. И как-то не уверен, что захочу провести такой эксперимент.

– Когда я дома, призраков нет, – как-то ответил я, когда меня спросили, водятся ли в доме призраки.

– Может, ты сам и есть призрак? – предположил кто-то, но я сильно сомневаюсь. Если в доме и живет привидение, оно существо запуганное и робкое, боится нас больше, чем мы его.

Но я говорил о старом доме, который продали и сломали (больно было смотреть, как он опустел, невыносимо видеть, как его сносят бульдозерами; сердце мое осталось в том доме, и даже сейчас по ночам, засыпая, я слышу, как ветер вздыхает в ветвях рябины за окном моей спальни двадцать пять лет назад). Мы переехали в новый дом, построенный, как я уже говорил, в саду, где раньше был старый, и прожили там несколько лет.

А дом наш стоял на извилистой улочке, покрытой песчаником, вокруг деревья и луга – в общем, посреди чистого поля. Сейчас эту улочку наверняка заасфальтировали, а луга превратились в бесконечный жилой комплекс. Можно съездить и проверить. Но я не еду.

Мне было пятнадцать, я был тощ и неуклюж, я отчаянно хотел быть крутым. Был вечер, осенний вечер.

Возле дома стоял фонарь – его установили, когда построили новый дом, и смотрелся он нелепо, как фонарь в историях про Нарнию. Натриевый фонарь, он горел желтым, и свет смывал остальные цвета, все окрашивая желтым и черным.

Она не была моей девушкой (моя девушка жила в Кройдоне, куда я ходил в школу, – сероглазая блондинка невероятной красоты, сама удивлялась – как часто мне сообщала, – отчего стала встречаться со мной), мы просто дружили, и она жила в десяти минутах ходьбы, за полями, в старой части города.

Я хотел зайти к ней, послушать музыку, посидеть и поговорить.

Я вышел из дома, сбежал по травянистому склону к дороге и едва не наткнулся на женщину – она стояла под фонарем и смотрела на дом.

Она была одета, как цыганская царица на сцене или мавританская принцесса. Не красивая – эффектная. И лишённая цвета – в памяти она осталась черно-желтой.

Вздвогнув, как бывает, если видишь кого-то там, где не ждал никого увидеть, я сказал:

– Здравствуйте.

Женщина не ответила. Смотрела на меня.

Я спросил:

– Вы кого-нибудь ищете? – Ну, или что-то в этом роде, и она опять ничего не сказала.

Она лишь смотрела на меня, эта невероятная женщина посреди чистого поля, одетая, как гостя из снов, и ни слова не произносила. Только начала улыбаться, и улыбка эта мне не понравилась.

И вдруг меня объял страх – бесконечный, непостижимый ужас, как во сне, и я быстро зашагал прочь по улице и завернул за угол, а сердце бешено колотилось в груди.

Я постоял пару секунд, а потом выглянул, и под фонарем никого не было.

До дома пятьдесят шагов, но я не мог развернуться и пойти обратно – ни за что на свете. Я слишком перепугался. Я побежал по темной улочке из песчаника меж высоких деревьев в старый город, потом по другой улице и еще по одной, к дому подруги, и примчался туда, и онемел, и запыхался, и что-то бормотал, и перепуган был до полусмерти, будто за мною гнались все гончие псы ада.

Я рассказал подруге свою историю, мы позвонили моим родителям, а те сообщили, что под фонарем никого нет, и согласились, хоть и не слишком

охотно, приехать и отвезти меня домой, потому что идти я не соглашался.

Вот, собственно, и вся история. Жалко, что нет продолжения: я бы лучше написал, что двести лет назад на этом самом месте сожгли цыганский табор, – хоть что-нибудь, лишь бы у истории появилось логическое завершение, лишь бы она стала историей; вот только не было никакого цыганского табора.

Поэтому, как обычно, когда в мою жизнь вторгается дикое и странное, случай этот останется без объяснений. Никакая он не история.

А в памяти сохранились только черно-желтая улыбка женщины и тень страха, что пришел потом.

После закрытия

Closing Time. © Перевод А. Аракелова, 2007.

В Лондоне еще остались клубы. Старинные и имитирующие старину, с вытертыми диванами и трескучими дровами в каминах, газетами, диспутами или традиционным безмолвием; и новые, вроде «Граучо» и его многочисленных копий, куда заходят актеры и журналисты, желающие показаться на людях, выпить, насладиться своим сиятельным одиночеством или даже поговорить. У меня есть друзья и в тех клубах, и в других, но сам я ни в одном не состою. Уже нет.

Много лет назад, полжизни назад, будучи молодым журналистом, я вступил в один клуб. Существовал он лишь затем, чтобы паразитировать на строгом законе о лицензировании питейных заведений, который запрещал пабам продавать горячительное после одиннадцати – в одиннадцать все закрывалось. Этот клуб под названием «Диоген» представлял собой комнату над магазином грампластинок в узком проулке, выходившем на Тоттенхэм-Корт-роуд. Владела им веселая пухлая женщина по имени Нора, и сама не дура выпить; она не уставала сообщать всем, кто интересовался, – как, впрочем, и тем, кто не очень, – почему клуб получил такое имя: потому, дорогуша, что она по-прежнему

ищет правильного человека. Вверх по узкой лестнице, и – в зависимости от Нориного каприза – перед вами могли распахнуться или же не распахнуться двери клуба. Работало заведение когда придется.

Клуб наполнялся, когда закрывались пабы, и так было всегда и так будет до конца, несмотря на обреченные, однако упорные попытки Норы подавать еду и ежемесячно рассылать всем членам клуба письма с трогательным напоминанием о том, что в клубе таки подается еда. Несколько лет назад я с грустью узнал, что Нора умерла, и сам поразился тому, какая вселенская скорбь меня охватила, когда в прошлом месяце, приехав в Англию, я ходил по той улочке в поисках «Диогена» и нашел только со второй попытки, разглядев над магазином сотовых телефонов окна закусочной под выцветшими зелеными навесами, на которых красовалось изображение человека в бочке. Эта почти вульгарная перемена разбудила воспоминания.

В «Диогене» не было ни каминов, ни старинных кресел, но там все равно рассказывали истории.

В основном в клубе пили мужчины, хотя время от времени появлялись и дамы, а Нора даже приобрела изящный предмет обстановки в виде помощницы, златовласой польки, которая обращалась ко всем «даракуша» и опрокидывала рюмочку всякий раз, когда оказывалась за барной стойкой. Нагрузившись по самое не хочу, она сообщала всем и каждому, что происходит из графского рода, и умоляла сохранить эту тайну и не рассказывать никому.

Разумеется, в клуб захаживали актеры и писатели. Монтажеры, радиоведущие, полицейские и забулдыги. Люди со свободным графиком. Люди, которые задерживались допоздна или не хотели идти домой. Иногда там собиралось человек двенадцать, а то и больше. А бывало, я забредал туда и оказывался единственным посетителем – в таких случаях я брал один виски, выпивал его и уходил.

В тот вечер шел дождь, и после полуночи в клубе осталось четверо.

Нора с товаркой сидели у стойки, трудились над сценарием своего комедийного шоу. Главной героиней в нем была веселая толстушка, владелица питейного клуба, и ее чокнутая помощница, аристократическая заграничная блондинка, которая смешно коверкала английские слова. Похоже на «Будем здоровы»[13 -

«Будем здоровы» («Cheers», 1982–1993) – американский ситком, действие которого происходит в бостонском баре «Будем здоровы», где регулярно встречается группа завсегдатаев; один из центральных персонажей – бармен Сэм Мэлоун, бывший бейсболист и алкоголик в завязке.], говорила всем Нора. Комичного еврея-домохозяина называли в мою честь. Иногда Нора показывала мне сценарий.

Еще в баре был актер по имени Пол (известный, как Пол-актер, чтобы не путать его с другими завсегдатаями, Полом-полицейским и Полом-пластическим-хирургом-расстригой), редактор журнала о компьютерных играх Мартин и я. Мы были кое-как знакомы, сидели за столом у окна и любовались дождем, который баловался с уличными огнями.

Был в клубе еще один человек, намного старше любого из нас. Болезненно худой, мертвенно-бледный и седой, он сидел в одиночестве в углу и медитировал над единственным стаканом виски. Я отчетливо помню его твидовый пиджак с бурыми кожаными заплатками на локтях. Он не говорил с нами, не читал, вообще ничего не делал. Просто сидел, глядел на дождь и темную улицу, а иногда без видимого удовольствия потягивал виски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=147119&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

«Приключения малыша Немо в Стране Снов» – еженедельные комиксы Уинзора Маккея, публиковавшиеся в «Нью-Йорк Геральд» (1905–1911) и в «Нью-Йорк Джорнал Америкэн» (1911–1914); действие в них происходило в снах главного героя Немо (лат. Никто). В комиксе американского художника Арта Шпигельмана (р. 1948) «В тени уничтоженных башен» («In the Shadow of No Towers», 2004) речь идет о террористических атаках 11 сентября 2001 г.

2

«Уан Ринг Зироу» («One Ring Zero», с 1998 г.) – нью-йоркская мультижанровая группа. Тексты для альбома «Умники, как мы» («As Smart As We Are», 2004) группе предоставили известные писатели, среди которых Маргарет Этвуд, Пол Остер, Майкл Чабон, Дэйв Эггерс, Майла Голдберг, Джонатан Летем, Рик Муди и др., в том числе и Нил Гейман.

3

«Нерегулярные полицейские части с Бейкер-стрит» («Baker Street Irregulars») – американская организация поклонников Шерлока Холмса, основанная в 1934 г. Кристофером Морли. Членство в «Нерегулярных частях» – почать, которую организация оказывает тем, кто зарекомендовал себя авторитетным холмсоведом, и членами ее в то или иное время были, помимо прочих, Фрэнклин Делано Рузвельт, Гарри С. Трумен, Рекс Стаут, Айзек Азимов и др.

4

В русском издании – «Зеленый рыцарь» (примеч. ред.).

5

Фрэнк Фразетта (1928–2010) – американский научно-фантастический и фэнтезийный художник; рисовал, помимо прочего, комиксы, киноплакаты, оформлял книги и т. д. Вероятно, имеется в виду его картина «Охотница» («The Huntress»), использованная в оформлении обложки сборника рассказов Эдгара Райса Берроуза «Дикий Пеллусидар» («Savage Pellucidar», 1962), хотя у Фразетты есть несколько картин с похожими сюжетами.

6

Тори Эмос (Майра Эллен Эмос, р. 1963) – англо-американская пианистка, исполнительница и автор песен; одна из немногих в рок-среде, кто основным своим инструментом избрал рояль. Ее альбом «Странные девочки» («Strange Girls»), на котором она записала кавер-версии чужих песен, от Нила Янга, Майкла Джексона и Джона Леннона с Полом Маккартни до Тома Уэйтса, вышел в 2001 г. Упомянутые гастроли длились с августа по декабрь 2001 г.

7

Имеется в виду скульптура Лайзы Снеллингз-Кларк «Людно после закрытия» («Crowded After Hours») из ее серии «Черная ярмарка» («Dark Carnival»).

8

«Уикли Уорлд Ньюс» («The Weekly World News», с 1979 г.) – американский таблоид, специализирующийся на сенсациях («Элвис Пресли жив!», «Очевидец сообщает о встрече с Лох-Несским чудовищем» и т. д.) и всевозможных неправдоподобных и нелепых историях; многие годы газета формально заявляла, что сообщает чистую правду, однако с 2004 г. стала более прозрачно намекать читателям, что доля недоверия к ее информации увеличивает удовольствие от чтения.

9

Альбом Тори Эмос «Прогулки со Скарлет» («Scarlet's Walk») вышел в 2002 г., а упомянутый тур начался в Талсе, штат Оклахома, в ноябре 2002 г. и завершился в Уэст-Палм-Бич, штат Флорида, в декабре 2003 г.

10

«КБГБ» (CBGB, «Кантри, Блюграс и Блюз») – культовый музыкальный клуб на Бауэри-стрит, Манхэттен, основанный в 1973 г. Хилли Кристалом. Вопреки названию был ключевой площадкой американского панка, а среди выступавших в нем были «Рэмоунз», «Телевижн», «Группа Патти Смит», «Блонди», «Токинг Хедз» и др., и впоследствии пост-панк-группы, а также – на отдельной площадке – рок-, фолк-группы, а также джазовые и экспериментальные. Клуб был закрыт в октябре 2006 г.

11

Нил выполнил свое обещание. Этот рассказ был написан в 2104 году для антологии «Негодяи» (англ. “Rogues”), составленной Дж. Р.Р. Мартином и Г.

Дозуа. В русском переводе он называется «Как маркиз свой кафтан назад получил» (примеч. ред.).

12

Здесь: непревзойденной (лат.).

13

«Будем здоровы» («Cheers», 1982–1993) – американский ситком, действие которого происходит в бостонском баре «Будем здоровы», где регулярно встречается группа завсегдатаев; один из центральных персонажей – бармен Сэм Мэлоун, бывший бейсболист и алкоголик в завязке.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/nil-geyman/hrupkie-veschi-istorii-i-chudesa-sbornik-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)